

Космические

Миры

ПРАВО СИЛЬНЕЙШЕГО

ЖЕНА ВОЙНА, ИЛИ ЛЮБОВЬ НА ВЫЖИВАНИЕ

ЕЛЕНА ЗВЕЗДНАЯ

Annotation

Если ты кадет S-класса — тебя ждет блестящее будущее, место службы в лучшей армаде галактики и головокружительная карьера. Если ты принцесса Иристана — тебя ждет блестящее будущее, брак с самим повелителем планеты, он же сильнейший воин, и жизнь, долгая и счастливая. Если ты из клана Аэрд — тебя ждет блестящее будущее, должность великой эйтны-хассаш и практически бессмертие. А вот если ты кадет, принцесса и видящая в одном лице — тебя ждут проблемы. Очень, очень много проблем.

И даже любовь не простая, а на выживание.

Елена Звездная

ЖЕНА ВОИНА, ИЛИ ЛЮБОВЬ НА ВЫЖИВАНИЕ

История первая: О тайнах, кошмарах и целевом планировании

Ночь. Спокойное дыхание Эрана, его рука, нежно накрывшая мою ладонь, сонный рык Икасика, устроившегося на балконе.

Но мы не одни! Я отчетливо ощущаю это. Ощущаю шаги от двери — легкие, невесомые. Чувствую их, а не слышу. Ощущаю присутствие. Не могу понять как, но ощущаю. Отслеживаю и даже с закрытыми глазами вижу, как тень приближается ко мне.

Вздрагиваю, едва темная субстанция останавливается в шаге от постели, и в тот же миг просыпается Эран. Вспыхивает свет, синеглазый воин, приподнявшись, встревоженно всматривается в меня.

Тень продолжает стоять рядом!

— Кира? — голос тар-эна полон тревоги.

Хочу ответить, пытаюсь выговорить хоть слово и... не могу. Мне страшно. Мне никогда не было так страшно, я даже боюсь пошевелиться.

— Киран, — воин осторожно касается моей щеки, и приходит осознание — у меня лицо мокрое от слез.

* * *

Я проснулась, села на постели. Голова болела. По всему телу разливалась странная слабость. И страх. Тихий панический ужас пульсировал и бился, словно отголосок биения сердца. Нервно огляделась — в спальне повелителя Иристана находились только я и спящий на балконе Икас. Долго не решалась взглянуть в сторону входной двери, потом обругала себя за трусость и повернула голову. Никого.

Значит, сон?

Просто кошмарный сон? А с каких пор мне снятся кошмары?! С какого бешеного атома мозг подкинул мне подобное сновидение?! И почему так страшно... До сих пор страшно.

Открылась дверь — синеглазый воин в черных брюках и белоснежной рубашке бесшумно подошел, сел рядом, протянул руку, коснулся моей щеки и спросил:

— Что испугало тебя ночью?

— Ночью? — вмиг севшим голосом переспросила я.

Тар-эн кивнул.

И я осознала, что сном случившееся не было! Я видела тень. Не такую, как у Нрого, и даже не того монстра, который управлял папандром, что-то другое. Страшное. Опасное. Для меня опасное.

Не глядя на воина, я осторожно поднялась с постели, подошла к окну, села возле Икаса, задумчиво погладила белоснежную шерсть зверя. Единственное, о чем я сейчас могла думать, — а все ли мне мама рассказала?!

Шум за стеной. Эран встал, пересек спальню, открыл дверь.

— Эшен аккердан эйтна МакЭдл, — произнесла стоящая за дверью женщина в белом.

— Кэрн, — резко ответил тар-эн и закрыл дверь.

Я не понимала ни их языка, ни того, почему переговоры на сей раз велись так, ведь Эран мог по-другому, как-то приставляя пальцы к шее, и все. Но вот что я конкретно поняла — речь шла о бабушке, а синеглазый сказал «нет». Ну, может, и не «нет», но это определенно был отказ.

— Чего ты боишься? — внезапно спросил тар-эн, резко повернувшись ко мне.

Что я могла ответить? Ночью даже Икас не среагировал на субстанцию. И Эран не увидел. Потому что тень пришла за мной. Именно за мной. Можно было бы сейчас бояться, переживать и даже рассказать тар-эну, но что это изменит? Ничего. Тень пришла за мной, нужно понять — зачем и почему. И я сейчас отчаянно пыталась вспомнить, что конкретно говорил Араван о бабушке и о том, как она стала эйтной, даже несмотря на то что была для дедушки единственной.

Вспомнить дословно.

Но в памяти всплывали только обрывки:

«Агарну нужна была именно девушка из рода Аэрд. Аэрд — эйтны, традиционно. Есть несколько родов, способных принять кровь любого клана, Аэрд сильнейшие. Традиционно эйтна-хассаи принадлежит именно к Аэрд, и наша бабушка должна была стать главной эйтной».

А я из рода Аэрд, как мама и бабушка. Значит, тоже традиционно эйтна, так? Впрочем, об этом еще и папандр говорил.

Вспоминаем дальше:

«Бабушку готовили к принятию сана эйтны-хассаи, а для этого видящая должна испытать болевой шок дважды. Обычно эйтны так и определяют видящих — первый шок девушка испытывает после ночи с воином, второй после родов, а дальше мутацию подталкивают в нужном направлении, и видящая становится эйтной».

Болевой шок... Рассмотрим мою ситуацию: палатка, первый раз с Эраном, жуткая, невыносимая боль впоследствии и восклицание одной из эйтн: «Она видит».

Чувствую, как руки леденеют, по спине мороз, в глазах темно становится. Не паниковать. Успокоиться. Думать! Да, я стала видящей Аэрд, Нрого говорил об этом, Эран тоже, еще вчера.

И мне вспоминается еще одна реплика Аравана:

«Дед понимал, что роды станут тем вторым этапом мутации. Бабушка понимала тоже, но очень хотела подарить ему детей. Много лет они жили вместе, а после она сделала все, чтобы зачать. Дед этого не хотел».

Перевожу взгляд на Эрана. Тар-эн не прикоснулся ко мне ни вечером, ни ночью. Объятия, и ничего более. А только ли дело было в отсутствии эйтны-хассаи? Он знает? Знает и не хочет допустить второго этапа мутации?

И тут я вспомнила:

«Она приходила по ночам, уже не как женщина, но как мать и призрак той любимой, которой дед всегда хранил верность».

Мне раньше казалось, что страх — это неизбежная составляющая любого действия. Вот тебе страшно, но мастер дает приказ «Вперед», и страх становится катализатором выброса адреналина, позволяя справиться с самыми сложными задачами. Но то, что я чувствовала сейчас, было даже не ужасом, а чем-то хуже. Гораздо хуже. Меня осознанием того, что я могу стать эйтной, просто по полу размазало!

И второй реакцией стала злость. Нет, ну серьезно — какого бракованного навигатора?!

За каким вообще нестабильным атомом какая-то паразитирующая субстанция возомнила, что ей можно приходить и пугать меня по ночам?! Да и мало того что пугать — кажется, эта теньюка претендует на мое тело, вот в чем проблема!

Причем не моя! Тень сама нарвалась!

— Эран, — я повернулась к воину, — ты тень ночью видел?

Тар-эн промолчал, но синие глаза медленно сузились, и мне задали встречный вопрос:

— Приходила тень?

— Да, — ответила я, потрепав Икаса за ухом и стремительно поднимаясь. —

Оказывается, самоубийцы есть и в потустороннем мире.

И решительно направилась в ванную, стараясь не смотреть на Эрана вообще, потому что... я теперь вообще смотреть на него не буду. Пока не разберусь с тенью. Вероятно, тар-эн думал примерно так же, потому что он за мной не последовал, и его слова донеслись до меня из-за двери:

— Кира, я вернусь к полудню и покажу тебе ИрАэ. Ты подождешь во дворце.

Последнее прозвучало странно. Уже раздеваясь, я завернулась в полотенце, вышла, посмотрела на хмурого воина и прямо спросила:

— В каком смысле подожду во дворце?

Синеглазый не ответил, но выглядел чрезмерно спокойным, напряжение выдавал лишь взгляд.

— Эран, — я подошла ближе, — а сама погулять по городу не могу?

— Нет, — спокойный ответ.

И вот именно сейчас я соизволила обратить внимание не на свои переживания в связи с ночным ужасом, а на Эрана. Того самого, который еще вчера сказал: «Киран, если ты чувствуешь ко мне только желание, и ничего больше, я не буду тебя удерживать», а уже сегодня: «Подождешь во дворце».

— Мужик, — да, негодую, — я что, пленница?

Повелитель Иристана на мгновение отвел взгляд, затем тяжело вздохнул, а после развернулся и вышел. Молча.

И не успела за ним закрыться дверь, как она тут же опять открылась и вошли две темнокожие женщины. Темно-синекожие, если говорить точнее. С короткими черными волосами, в длинных мешковатых хламидах и железных браслетах на руках. Обе синхронно поклонились, после чего первая шагнула вперед, еще раз поклонилась и спросила:

— Принцесса Киран, вы желаете трапезничать в покоях повелителя, в саду или же в общей зале?

Я потрясенно молчала. Что происходит? Что с Эраном? Где те милые женщины, с которыми мы устраивали посиделки вчера, и почему уже сегодня вместо них вот эти... не местные.

Запиликал сейр. Подойдя к окну, взяла, включила и услышала уставший голос Эрана:

— Оденься, и мы поговорим.

— А сейчас нельзя? — задала я прямой вопрос.

Тар-эн отключил связь.

Не обращая внимания на присутствующих, я набрала параметры связи с мамой и ждала почти минуту, прежде чем на экране, позевывая и потягиваясь, показалась сонная, встрепанная мамочка. И вот выглядела она на редкость спокойно, а потому вместо «привет» я задала вопрос:

— То есть дочь ночует с незнакомым мужчиной, а нам все равно?

Мамуль зевнула, улыбнулась и весело ответила:

— Аэ тебя и пальцем не тронет, Кирюсь.

То есть она знала! Все знали, кроме меня! Зло смотрю на маму, а она мне совершенно спокойно:

— Поверь, ты в совершенной безопасности, пантеренок.

Подумала и осторожно спросила:

— До избрания новой эйтны-хассаш?

Мама улыбнулась.

— Вообще, пантеренок. Он тебя вообще никогда не тронет и пальцем. Так что да, нам все равно, и я впервые с момента твоей выходки выпалась. О-о-о, семь часов полноценного сна, чувствую себя превосходно.

Про «Он тебя вообще никогда не тронет и пальцем» спрошу позже, это явно связано с тенью, так что второстепенно. Пока приоритет Эран.

— А я нет, — и, вместе с сейром проследовав в ванную, продолжила: — Эран запретил покидать дворец. Какие-то странные тетki вместо вчерашних женщин. И он ведет себя странно!

И главное, я злюсь, а мама сидит и улыбается. И вот я точно знала, что услышу от нее:

— Я предупреждала, Кирюсик.

Но хоть не улыбалась больше. Смотрела спокойно прямо мне в глаза и выглядела привычно мудрой, но вот мне от этого не легче.

— Мам, — откровенно злюсь, — а ты сейчас о каком предупреждении, а?

Киара МакВаррас усмехнулась и тихо произнесла:

— Для тебя, Киреньш, Иристан всегда будет дерьмовым. И я очень рада, что ты наконец начала замечать в Эране Дард Аэ нечто большее, чем объект первой любви и объект для восхищения.

Ну, мамочка!

Бросив несколько полотенец на пол, я села, устроилась поудобнее и только набрала побольше воздуха, чтобы... да, поругаться с матерью, как она сделала ход конем:

— Я уже поняла, что Эран Дард Аэ тебя любит.

— А почему ты его так официально называешь? — спросила я, потому что основной вопрос задавать пока не решилась.

— Повелитель, — пожала плечами мама. — Ты другая, Кирюсь, и росла на Гаэре, где нет ни столь четкой иерархии, ни незыблемых традиций, а мое воспитание не позволяет называть повелителя иначе.

Не совсем поняла и напрямую спросить так и не решилась, а потому:

— Мам, вот ты мне сейчас что сказать пытаешься?

Грустная улыбка и тихое:

— Ты должна не слушать, а слышать, что он говорит. Правящий клан презирает ложь. Вот и будь умной девочкой, Кира.

Связь выключила я. И потом сидела на полотенцах и злилась. Нет, я, конечно, уже поняла, что мамуль не переваривает Эрана, а сам Эран как-то не слишком уважительно относится к мамочке, но я-то люблю обоих. В смысле, кажется, люблю синеглазого тар-эна. Или даже не кажется. Потому что люблю. Потому что он благородный. Потому что даже в Шоданаре спасти хотел, защитить и увести, не осуждая за глупость и не устраивая нечто

вроде «получи шишку и большой жизненный опыт». И за одно это его уже можно было полюбить всем сердцем. И вообще, я кадет S-класса, а мы не делаем преждевременных выводов — мы проверяем все, прежде чем в это поверить!

Решительно поднялась, быстро вымылась, потом открыла дверь и позвала Икасика. Шерстюсик, радостно виляя хвостом, прибежал, ткнулся мордой в плечо. Вот с чего бы, а? Выглянула в комнату, оказалось, там сидели две черные зверюги, в то время как женщины наводили порядок. То есть моего Икасика еще и напугали? Но тут я снова вспомнила про S-класс и, решив не злиться раньше времени, спросила:

— Девчонки, а эти вот зачем?

Женщины с темно-синей кожей разом поклонились, и та, что была чуть выше, извиняясь, пробормотала:

— Простите, принцесса, но ваш зверь... страшный. Хейры для защиты. Они бы не причинили вреда, задержали бы только.

— А-а... — потянула понимающе. — Но вообще зря, Икасик очень умный.

— Хейры тоже, — улыбнулась женщина. — Но они стабильны, а Снежная смерть был выведен не так давно, кто ведает, чего можно от него ожидать?

— Злые вы, — пробурчала я, обиженная за Икасика.

И, закрыв дверь, утащила зверя мыться. И там мы побесились на славу, потому что в ванной Эрана какой-то очень пенный шампунь обнаружился, а когда я на шерсть наливала, Икас меня боднул и полбанки вылилось. Пены было... часа на три уборки. А потом стало на все десять, потому что шерстюсик решил поиграть, и только я потянулась за лейкой, чтобы смыть пену, зверь отпрыгнул в сторону. Я за ним! Комья пены по всей ванной! Полотенца в хлам! Зеркала в пене. Баночки, система душа, бассейн — в пене. Я с воплем «Стой, атом нестабильный» за Икасом, Снежная смерть, прыгая по стенам, от меня! Полный атас!

И тут открывается дверь! Икас, довольный, что с ним так весело играют, мчится к двери, я за ним, не удерживаюсь, поскользываюсь и мокрая, в одном полотенце, в пене вся, врезаюсь в вошедшего Эрана! А счастливый шерстюсик, выскочив в спальню, весело носится по ней, оставляя ошметки пены на мебели, коврах, двух фыркающих, но сидящих неподвижно кошках и перепуганных женщинах.

Но мы этого уже не видели, ни я, ни сжимающий меня в объятиях тар-эн.

Мы ничего не видели. Сильные, по-мужски твердые руки обняли мою талию, мои ладони скользнули вверх по его груди, мы оба едва дышали. И только его глаза напротив, синие, бездонные, темнеющие с каждой секундой... И губы. Твердые, четко очерченные, притягательные...

— Киран, это опасно. — Из нас двоих более безголовой явно была я.

— Поцелуй? — спросила едва дыша.

Эран сглотнул, затем кивнул едва заметно. И обнял крепче, прижимая к себе. А мне... вдруг так захотелось заплакать. Глупо очень, понимаю, но...

— А когда можно будет? — спросила, обнимая его могучую шею и обессиленно уткнувшись лбом.

Не просто так спросила, не давала покоя мамино: «Он тебя вообще никогда не тронет и пальцем», а потому очень хотелось услышать от воина хоть что-то, но... повелитель Иристана промолчал.

Вздрогнув, вскинула голову, потрясенно глядя на тар-эна. Эран гулко сглотнул, отпустил меня и хрипло попросил:

— Оденся.

И потом я стояла и смотрела, как он уходит. Напряженный, злой, словно расстроенный чем-то. Мне не оставалось ничего иного, кроме как подзвать Икаса, развлекающегося прыжками от одной хейры к другой, причем он не просто так прыгал: подпрыгнет-лизнет-отпрыгнет и к другой с тем же набором действий. Огромные черные зверюги сидели неподвижно, но у них такие выражения на мордах были, что казалось, дай им, мокрым и после облизываний встрепанным, волю — и на одну Снежную смерть на Иристане стало бы меньше. Вообще выглядело донельзя забавно, но мне как-то сейчас было совсем не весело.

— Шерстюсик, — грустно позвала я.

Икас мгновенно припрыгал ко мне, заглянул в глаза, и уши его расстроено повисли.

— Все будет хорошо, — заверила я.

Зверь продолжал встревоженно вглядываться в меня. Позвала в ванную, смыла пену с него и с себя и уже задумалась о том, где взять полотенце, как вошла одна из женщин и подала мне целую стопку.

Когда я вернулась в спальню, меня ждало расстеленное на покрывале длинное платье, белое, из летящей нежной ткани и с тонким золотым пояском. Красивое. Белье я взяла свое, торопливо оделась, расчесала влажные волосы, затем осторожно, чтобы не намочить ткань, расчесала Икаса и, не используя ни грамма косметики, поспешила за ожидающей у двери женщиной. Икас, естественно, пошел со мной, две хейры плавно двинулись следом за нами.

И только сейчас я обратила внимание на дворец Эрана. Никакого необработанного камня, никаких плохо отесанных балок, торчащих в потолке, да и серых мрачных стен не наблюдалось. Белое, золотое, хрустальное — основные мотивы интерьера. Белые летящие занавеси на резных окнах, особое стекло, рассеивающее солнечные блики по пространству, белоснежные ковры на полу, золотые узоры на стенах и потолке. Ощущение — словно попала в сказку. Но не в ту, где мелькают призрачные феи, здесь сразу становилось ясно — не для фей домик: массивная мебель, диваны на крепких ножках, столы внушительные, кресла вместительные. Все было сделано под тар-энов, и все равно изумительно красиво. И много, очень много зелени. На виднеющихся из окон балконах, по углам комнат, в широком светлом коридоре, который выходил к великолепной лестнице. И стоило спуститься на первую ступеньку, как я потрясенно замерла — лестница была мраморная, с позолоченным рисунком по ступеням, а вот перила оказались хрустальными. И, скользя пальцами по ребристой поверхности, изображающей тело змейки, я потрясенно молчала. Сказочный дворец, просто сказочный.

А внизу ждал пушистый ковер. Пушистый настолько, что нога утонула по щиколотку, вмиг скрыв белые туфельки на небольшом каблучке, которые мне принесли к платью. И только внизу я впервые увидела воинов. Их было всего двое, оба стояли у дверей и поклонились, стоило мне спуститься. Поклонились с уважением, то есть вообще никакого презрения, как у папандра в хассарате. И это... было приятно.

— Прошу сюда, принцесса Киран, — произнесла моя сопровождающая.

Женщина спустилась быстрее меня, откровенно залюбовавшейся лестницей, и сейчас терпеливо ожидала у двустворчатой резной двери, хейры сидели рядом с ней, по обе стороны. Невозмутимые, как и всегда.

Мы с Икасом гордо прошли мимо них — я не удержалась и ближайшую ко мне почесала за острым ушком, а шерстюсик и вовсе лизнул в нос вторую. Невозмутимости у зверюг поубавилось, а глаза сузились.

— Злые они у вас, — пожаловалась я посеревшей отчего-то женщине.

— Хейры не терпят прикосновений, — прошептала она севшим голосом. — Прошу вас, больше...

Я подумала, вернулась, нагло погладила застывшую от возмущения зверюгу и после этого гордо прошла в двери. Вслед мне донеслось глухое рычание.

— Еще погладить? — обернулась я.

Хейра моргнула от удивления.

— Идем, — позвала зверюгу.

И она пошла. То есть поднялась, величественно прошла мимо остолбеневшей женщины, подошла ко мне и встала по левую сторону, справа просто стоял весь такой заинтересованный Икасик, который за движениями хейры следил, склонив набок голову и высунув язык. А потом вдруг резко подобрался и зарычал.

— Она мне мстить будет, да? — догадалась я.

Хейра оскалила на меня клыки. Икас оскалил свои. Что сказать, у хейры они повнушительнее были.

— Хорошая кошечка, — успокаивающе проговорила я, отступая подальше, — очень хорошая...

Зверюга зарычала.

— Н-не буду тебя больше трогать, — все так же осторожно отступаю.

Но хейра, услышав мое обещание, прекратила угрожать, величественно кивнула и обернулась ко второй с видом «Как я ее, а?». Мы с Икасилом переглянулись, и было решено заняться кошками вплотную. Не то чтобы сильно хотелось, но так, в качестве профилактики зазнайства и вредности.

А потом я вошла в наполненное светом и хрустальными статуями помещение и остановилась. Потому что там во главе накрытого стола сидел Эран, а рядом с ним стояла... бабушка. Я ее сразу узнала, несмотря на то что одни глаза и были видны, а одежда у всех эйтн одинаковая. Но это все равно была бабушка.

И потому я заулыбалась еще до того, как она сказала:

— Здравствуй, пантеренок.

Я не отказала себе в удовольствии пробежать через все помещение и с разбега крепко-крепко обнять бабушку. Она не ожидала этого. Растерялась в первое мгновение, опустила руки, а потом:

— Кирюсик, — и осторожно обняла меня.

И было в ее объятии что-то такое родное, что маму напомнило, и... У меня ведь никого не было, кроме мамочки, а теперь есть бабушка, Араван, Эран.

Осторожно отстранившись от Кираты, я взглянула на тар-эна, который как-то механически гладил уткнувшегося в его плечо Икасика, и Эран смотрел на меня. Странно. Грустно. С какой-то невыразимой горечью. Перевела взгляд на бабушку, из непроницаемых глаз медленно скатилась одинокая слеза... и затерялась в складках черной ткани, закрывающей лицо эйтны МакЭдл.

— Знаете, — тихо начала я, — будет лучше, если вы мне сразу скажете все как есть.

Я прошла к столу, потянув бабушку за собой, села. Кирата присела на соседний со мной стул. Странно присела, как-то с краю. Мне вдруг вспомнилось, что единственная эйтна, которую я видела сидящей, была эйтна-хассаш. Впрочем, нет, на креслах эйтны сидели, а что не так со стулом?

Бабушка, заметив мое недоумение, вдруг тихо сказала:

— Мутация затрагивает костную ткань, пантеренок.

— Что? — удивленно переспросила я.

Кирата медленно подняла руку к ткани, закрывающей ее голову и лицо, затем осторожно, словно осужденный на казнь, начала разматывать. Слой за слоем... А затем медленно стянула экесе с головы...

Не знаю, как я удержала крик!

У нее не было волос. Голый, покрытый черной чешуей череп! И у нее не было лица! Всего человеческого — одни глаза и переносица... Только переносица, а дальше сеточка. Не наносное, нет, дышащая органика, подрагивающая, когда Кирата выдыхала. И рот, который ртом никто бы не назвал — пасть. С наростами как у насекомых, с черными жвалами. И тень! Тень, которая ехидно скалилась мне, демонстрируя себя! Потому что это была не бабушка, в чье тело вселилась тень, это была тень, которая перестроила тело бабушки под себя и милостиво позволяла Кирате существовать.

Я зажмурилась. По щекам потекли слезы. В горле ком, и рвется судорожный всхлип. Как же так?! Как же так можно?! Как?

— Это мутация, Киран, — тихо сказала бабушка. — Это то, кем станешь ты, если останешься на Иристане.

Протянув руку, коснулась ладони Кираты, сжала, стараясь прекратить истерику. Стараясь взять себя в руки, стараясь понять. Распахнула глаза, повернулась и взглянула на Эрана. Воин встретил мой взгляд спокойно. Он знал. Уже знал.

— И когда ты выяснил? — тихо спросила я.

— Вчера, — прозвучал ответ. — В подземельях хассара Айгора были установлены камеры слежения, я видел, что с тобой произошло после... нашего поцелуя.

Воин сглотнул. Глаза сузились, зубы сжались. Он был в ярости, но не я.

— Мы уже целовались, — напомнила срывающимся голосом. — В ночь, когда я тебя застукала в рейде по домам терпимости.

Бабушкина рука, которую я продолжала удерживать, дрогнула. Наверное, бабуля удивилась, и сильно, но сейчас меня интересовал Эран.

— Что произошло после? — мгновенно задал вопрос воин, чуть подавшись вперед.

Я вспомнила наш с Деймом бег на пределе возможностей и честно ответила:

— Мы бежали из города.

— Пешком? — уточнил тар-эн.

— Бегом, — улыбнулась я. — К утру просто падала.

Эран скрипнул зубами, но кивнул и задал следующий вопрос:

— А после поцелуя на мосту?

Бег за левым, смерть Наски... Как же мне было жаль его.

— Меня схватили в переулке, — прошептала я. — И усыпили.

Воин вновь кивнул, его глаза задумчиво прищурились.

Бабушка осторожно отняла ладонь и торопливо закрыла лицо и голову, вновь намотав ткань. А я смотрела на нее и с трудом сдерживала... ярость. Бабушка ведь была молодой и красивой женщиной, родившей от любимого мужчины и потерявшей все в момент родов. Потому что в нее вселилась тень! И в то же время я преотлично помнила, как выглядела эйтна-хассаш, когда стянула с себя ткань, и вполне даже симпатичная была женщина. Сволочь, но симпатичная, а тут целый монстр. Почему? В чем причина?

— Бабушка Кирата...

— Ты знаешь мое имя? — искренне удивилась эйтна.

— Слышала, как тебя назвала главнючка. — Бабушка удивленно распахнула глаза, и я пояснила: — Эйтна-хассаш.

— И запомнила? — В голосе Кираты слышалась улыбка, теплая улыбка.

А ведь у меня тоже могла быть бабушка, как у Мики. Бабушка, которая бы любила и баловала, и пекла плюшки с ягодами, и рассказывала бы сказки, когда мама улетала на испытания, а мне приходилось спать в квартире одной. Совсем одной.

— У меня хорошая память, я же кадет, — подтвердила, стараясь не думать о том, что могло бы быть. Не думать. — Так вот, бабушка Кирата, я же видела эйтну-хассаш без платка, и там такого не было.

Тяжелый вздох, и, сев чуть иначе, так что вообще на самом краю стула была, Кирата начала рассказывать:

— Видишь ли, пантеренок, существует генетическая память, позволяющая виду выжить в определенных условиях. И ДНК хранит ее, чтобы в случае определенных условий...

— Как альбиносы, — догадалась я.

Бабушка кивнула. И продолжила:

— Так случилось, что несколько родов на Иристане хранят в своем генетическом коде больше вариаций изменения, и потому наши ткани способны ускоренно мутировать. Таких родов немного, Киран.

Она запнулась и минуты две сидела молча, опустив голову и глядя в пол, а затем:

— Я из рода Аэрд, — прошептала едва слышно. — Мы традиционно становились эйтнами. Моя мать, бабушка, прабабушка... все. А еще... — теперь приходилось прислушиваться, чтобы расслышать, настолько тихим стал голос, — мы способны влиять на пол дитя, которого зачинаем.

Взглянула на Эрана, тар-эн тоже слушал с явным интересом, и я понимала, что эта история для него в новинку. Бабушка же продолжала:

— Для того чтобы запустить процесс мутации, эйтна проходит три болевых шока. Первый — при рождении, ведь процесс родов — это боль не только для матери, но и для дитя. Второй болевой шок идет под жестким контролем эйтн, в главном храме. А третий, — она судорожно всхлипнула, — при родах. И мы поднимаемся с алтаря другими, Кира, теми, кто уже не женщина и не человек.

Бабушка говорила, а я... я видела тень. Тень, которая скалилась мне, не явно, нет, но я почему-то чувствовала. Отчетливо. Как ночью. Это была не та тень, что пришла за мной, но ее я тоже ощущала, вплоть до эмоций этого существа. Наверное, именно поэтому мне было не страшно, не грустно — я просто злилась! Действительно злилась.

Потому что в свете присутствующей и ощущаемой мною тени все это представлялось иначе.

Тень выбирает ребенка заранее! Видимо, да, ориентируется на определенный набор генов, так что работать начинает с подходящим материалом. А почему нет? Тени здесь везде, у воинов одни, подчиненные, у эйтн другие — подчиняющие. Что любопытно — воины не терпят подземелий, Накар говорил, а вот эйтны живут именно под землей.

Совпадение? Может, да, а может, и... Думать нужно.

А пока продолжаем о тени и эйтнах. Процесс родов — что меняется? Ребенок проходит сквозь родовые пути, от чего смещаются даже черепные кости. То есть изменения, так? И

что, если тень вторгается в этот момент и провоцирует мутацию? Тени, они же через все проходят. Так что вполне возможно.

Дальше. Ребенок растет и развивается... Как эйтна. Причем тень девочка не видит. Потом вторая мутация, сумасшедшая, раздирающая, сжигающая боль. Сейчас, вспоминая, что творилось со мной, я понимала, что ни на одном симуляторе боя такое не испытывала, хотя раза четыре сгорала заживо во время тренировочных боев. Было больно, да, но не так, как после моего первого и единственного раза с мужчиной. И вот после второго болевого шока я стала видеть... тени. Или нет? Тогда, с Нрого, я же заметила что-то странное, неясное и размытое. А вот отчетливо видеть я начала после и...

Но ведь больно мне было и раньше! Но ничего видеть не начинала, значит...

Тень.

Почувствовала сразу. Как вливается через дверь, как останавливается там, на пороге, как смотрит на меня. Жадно. Нетерпеливо. Выжидающе. И, наплевав на присутствие бабушки и Эрана, я, не оборачиваясь, вытянула руку и показала тени жест. Неприличный. Крайне. У нас в университете за такое пять нарядов с ходу давали.

И почти мгновенно получила эмоции тени в ответ — злость, даже бешенство. Кто его знает, почему я улыбнулась. Приятно просто было досадить ему. Очень даже.

— Киран, — возмущенно выдохнула бабушка.

— Кто там? — сразу все понял Эран.

Я жест демонстрировать перестала, тар-эну одними губами прошептала: «Потом», — и вновь обратила все свое внимание на бабушку:

— А почему вы вообще рожаете, если в курсе, что с вами станет?

Прозвучало грубо, и мне даже перед Киратой стыдно стало, но бесила тень, которая продолжала стоять на входе. Бабушка поправила повязки и... не смогла ответить. Она попыталась, но не произнесла ни звука, словно кто-то перекрыл ей дыхание. Тень. Бабушкина, которая сейчас больше не скалилась и только зло смотрела на меня.

— А я и так поняла, — нагло ответила потусторонней сущности, — они рожают, потому что вы контроль захватываете!

Эран странно смотрел на меня, но не вмешивался, и мне очень понравилось, что он дает мне возможность разобраться в ситуации, а не заявляет что-то вроде «молчи, женщина» или «не лезь в это дело». Папочка бы заявил, сто процентов.

И тут в светлом, наполненном солнечными лучами и бликами хрусталия помещения прозвучал нечеловеческий, хриплый, доносящийся изо рта эйтны потусторонний злой голос:

— Управляем.

Эран плавно поднялся, обошел стол, взял меня за руку и вернулся на свое место, усадив к себе на колени. На мой недоуменный взгляд ответил:

— Мне так спокойнее.

Лица бабушки Кираты мы, конечно, не видели, как и морды управляющей ею тени, но во вновь зазвучавшем голосе отчетливо послышалась насмешка:

— Единственная.

Тар-эн не произнес ни слова, я же упрямо вставила:

— Контроль захватываете.

Тень зашипела и прохрипела:

— Управляем.

А меня понесло:

— Контроль захватываете. В три этапа. И это никакая не мутация, это вы — тени!

Шипение. Странное шипение, в котором едва ли улавливались звуки. А затем эйтна вскочила и стремительно покинула помещение, причем вторая, жаждущая моего тела тень умчалась вслед за ней. Я молча ручкой вслед помахала, хотя... впору заплакать было.

И вдруг Эран произнес:

— Я знаю этот язык.

Удивленно повернулась к воину и увидела выражение крайней задумчивости на его лице. Встретилась взглядом с синими глазами и прямо спросила:

— Это язык?

— Да, ругательства на древнетшейском, — последовал спокойный ответ.

Я призадумалась, а потом шепотом спросила:

— Эран, а у тебя есть тень?

И увидела совершенно невероятную улыбку на его смуглом лице. Но еще более невероятно прозвучал ответ:

— Нет, Кира, я Аэ, у правящего клана нет теней.

— А что есть? — тут же поинтересовалась я.

Тар-эн медленно протянул руку, повернул ладонью вверх — над кожей вдруг засияло пространство, затем появилась пирамидка, маленькая, сверкающая, как в голограмме, и эта пирамидка вдруг открылась, демонстрируя стоящего в ней мужчину, а после... символы параметров, столбцы показаний, датчики, маячки... и...

— У меня нет тени, Кира, — тихо произнес Эран, — у меня инопланетный для Иристана геном и технологии.

Удивленно смотрю в его синие глаза и вздрагиваю, когда тар-эн произносит:

— По сути, я пришелец, как и весь клан Аэ.

Продолжаю потрясенно смотреть на Эрана. Воин улыбнулся и пояснил:

— Правящий клан — выжившие поселенцы Иристана. Тени — не выжившие. То, что тар-эны подселяют в свое сознание, это отражение тех возможностей, что есть у воинов клана Аэ.

Хорошо, что я сидела на коленях у Эрана, иначе свалилась бы от удивления. А мой синеглазый воин продолжил:

— Ты странно реагировала на речь эйтны Мак'Эдл. Видела что-то недоступное мне?

— Тень, — задумчиво ответила я и, протянув руку, коснулась человека, сверкающего над ладонью воина.

Человечек мгновенно трансформировался в цветочек, я улыбнулась и отдернула руку, затем в драгоценный камень, удивленно смотрю, после в сейр. Я потянулась, коснулась и ощутила поверхность пластика.

— Забирай, — предложил Эран.

Осторожно взяла — едва вытаскала из сияния, маленькая голограмма трансформировалась в сейр. Мой. Который в комнате наверху остался.

— А все остальное не понравилось? — провокационно поинтересовался воин.

Искоса взглянув на него, я спросила:

— А почему ты утром такой был?

И что мне крайне понравилось — Эран не стал лгать, ответил прямо:

— Злился. Не видел выхода.

— Вот как? — Я отложила сейр, обняла воина за шею и спросила: — А сейчас?

И он снова не стал лгать, сказал прямо:

— После поцелуя возле квартала развлечений ты бежала, то есть нагрузка, движение и никаких последствий. Это наталкивает на размышления. Как и твой возглас теням: «Это не мутация, это все вы!» Улавливаешь мою мысль?

Не совсем, но, не желая в этом признаваться, я свернула разговор на тему Кираты:

— А почему не видел выхода? И что тебе сказала бабушка?

Повелитель Иристана скрипнул зубами. Явственно.

И все равно был честен:

— Рассказала историю своей жизни. О том, как ее воин пытался противостоять мутации. И о том, что если ты останешься на Иристане, мутация завершится в кратчайшие сроки и ты станешь эйтной. Без вариантов. Без надежды на какое-либо иное развитие событий. И даже, вероятно, до родов, так как третий этап мутации практически завершен и твоя тень уже отделилась от потока. То есть достаточно малейшего повреждения, боли или... нашего поцелуя, и твои глаза станут черными.

Он говорил кратко. Сухо. Сдержанно. Зло. И в то же время во взгляде Эрана было что-то такое, чего вот не было, когда я вошла сюда. Мысль, идея, уверенность. Я не стала ни о чем спрашивать, просто повторила про себя сказанное им: «После поцелуя возле квартала развлечений ты бежала, то есть нагрузка, движение и никаких последствий. Это наталкивает на размышления. Как и твой возглас теням: „Это не мутация, это все вы!“ Улавливаешь мою мысль?» Все равно не улавливала. Но постаралась понять, хотя бы систематизировать:

— Ты с другой планеты, так? — начала издалека, ага.

Эран улыбнулся, отрицательно покачал головой.

— Твой род с другой планеты?

Теперь мне кивнули.

— А как вы вообще здесь очутились? — Ну не могла же я не спросить, даже если и была в курсе причин освоения космоса.

— Бегство, — ответил Эран.

А я не сдержалась и прошептала, восторженно глядя на него:

— Знаешь, когда я попала на Иристан, у меня было ощущение, что все вокруг лгут. И твоя честность меня восхищает, вот правда.

Повелитель Иристана нежно провел пальцами по щеке и сказал:

— Один раз почти солгал.

— Про последнего воина с конца? — догадалась я.

Улыбнулся.

Значит, да. С другой стороны, улыбнулся, а не ответил, значит — ну замалчивание фактов, это ведь не ложь, так?

— Эран, ты коварный! — возмутилась я.

Улыбка стала грустной.

И я прямо спросила:

— О чем ты не хочешь мне говорить, Эран?

Молчит.

Неужели мама была права? Вот если честно, даже верить не хочется. А еще... еще вот пару несостыковочек обсудить более чем хотелось. Например, одну очень любопытную:

— Эран, а где те женщины, что тут вчера были?

Ухмылка и спокойно-коварное:

— Во дворце повелителя Иристана.

Если сказал, значит, правда. Вот только что-то я никого здесь не заметила, а потому елеинным голоском поинтересовалась:

— А вот это здание, где мы сейчас, это что?

Не захотел отвечать. Но и взгляда не отвел.

— Так, — прошипела я, — что-то мне подсказывает, что вот это здание, это не дворец повелителя, так?

Неопределенный кивок. Вот... навигатор бракованный! Сложив руки на груди, хмуро смотрю на воина, судорожно подбирая следующий вопрос. Подобрала.

— Эран, мы у кого-то в гостях?

Улыбнулся, отрицательно покачал головой.

— Это твой дом! — догадалась я.

Кивнул, глаза искрятся смехом.

— А дворец?!

Взглядом указал на окно. Я спрыгнула с его колен, пробежалась до окна, отдернула белые занавеси и задохнулась от восхищения. Там был дворец! Огромный! Сверкающий золотом! Невероятный! Высокий!

Ну, собственно, макушку его я и рассмотрела, потому что потом шла огораживающая сад и этот дом стена, высоченная, метров пятнадцать высотой, наверху какое-то энергетическое поле, и то я его заметила, потому что какая-то птичка попыталась вылететь, а ее обратно отшвырнуло. А я сразу слова тар-эна вспомнила: «Можешь поразвлечься попыткой очередного побега». Попыткой, значит! И почему я вчера стену не увидела? А ответ прост — пить меньше надо! Бракованный навигатор, не заметить такое! Больше ни капли, никогда, вообще!

— Эран, — резко развернулась к воину, — это вообще как понимать?

Тишина. Молча смотрит на стол и постукивает пальцем по поверхности.

Хотелось, конечно, в грубых выражениях поинтересоваться, какого нестабильного атома, но, учитывая, что кое-кто успешно играет в молчанку, прямой вопрос мне ничего не даст. И вот тогда я спросила иначе:

— Ты меня у отца просто взял или с какой-то дурацкой идиото-иристанской традицией?

Хмуро взглянул. Ну конечно, как же, как же, Иристан оскорблять нельзя, это я помню. И все же ответ прозвучал:

— Я забрал тебя по праву сильнейшего, Кира. Фактически бросил вызов. И так как его никто не принял, ты... моя.

Что?! Подойдя ближе, я наклонилась к Эрану, уперевшись руками в стол, и глухо, потому как голос внезапно отказал мне и вообще сел, переспросила:

— В каком смысле «моя»?!

Отвел взгляд и промолчал. То есть вообще! Внаглую! Точнее, в решимо-упрямую наглую, но сути не меняет, промолчал.

Медленно опустившись на стул, я глубоко вдохнула, задержала дыхание, посидела так немного, выдохнула и, стараясь говорить спокойно, спросила:

— А если опираться на традиции Иристана, я тебе сейчас кто?

Эран хмуро глянул на меня, но ответ дал:

— Наложница.

Отставим панику, у меня просто шок. И вообще я вот сейчас не поняла — получается,

что Эран забрал меня, как в свое время папандр уволок мою маму? Только там вызов приняли Киран и Киара, а тут даже в битву никто не полез, так получается?

— Эран! — Я не кричала, это был потрясенный шепот.

— Ты спросила о традициях, — достаточно жестко ответил тар-эн. — Я честно обозначил твой статус в соответствии с традициями. По законам Иристана и в силу действия права сильнейшего на данный момент ты моя наложница. Но это с точки зрения традиций. Что касается меня — для меня ты была, есть и будешь единственной. Моим подарком богов. Моим сердцем. Той, за кого я не задумываясь отдам жизнь. И тебе достаточно принять дар моей жизни, чтобы для Иристана твой статус изменился. А для меня он был, есть и остается неизменным. Ты моя.

Я опустила голову, разглядывая поверхность стола несколько секунд. И я бы ответила, вот прямо сейчас ответила, но меня как-то очень напрягали слова мамочки: «Пантеренок, ну как же ты не понимаешь — это для них Иристан другой, а для тебя он всегда будет дерьмовый, Киреньш». И проблема в том, что я была уверена — мамуля мне не врет, но конкретно недоговаривает. Вот и Эран поступал так же — не врал, но недоговаривал.

И потому я спросила:

— А если я приму дар твоей жизни, для меня что-то изменится? Я имею в виду стену вокруг этого дома.

И тихое, до безумия честное:

— Нет.

Что-то сжимается в груди и болит. Сильно болит. Но я все равно тихо уточняю:

— Я смогу гулять по городу одна?

— Нет.

Больно.

— Вернуться на Гаэру? — Сердце болезненно сжимается.

— Нет.

Молча киваю, а кричать хочется. И ведь вчера, буквально вчера он другое сказал: «Киран, если ты чувствуешь ко мне только желание и ничего больше, я не буду тебя удерживать». А сейчас что получается? И не скрывая обиды, да и злости, я выпалила:

— Ты сказал, что не будешь меня удерживать!

Ответ... он прозвучал:

— Ты сказала, что испытываешь ко мне не только желание. И не солгала.

Удар на поражение!

Я встала и ушла. Вот просто ушла. Икас помчался за мной, две черные хейры, ожидавшие под дверью, отступили, а едва я начала подниматься по лестнице, последовали за нами. Воины у дверей старались на меня не смотреть, и только шерстюсик, забегаая на пару ступенек вверх, встревоженно вглядывался в мое лицо, поскуливал, словно спрашивая, что случилось... А я обходила его и поднималась выше...

И других женщин здесь не имелось, только эти с темно-синей кожей, которые занимались исключительно уборкой. У меня было ощущение загнанности в ловушку. И чувство, что меня обманули. Просто обманули.

Поднявшись наверх, я не пошла в спальню — свернула в одну из комнат, закрыла двери, прошла в угол и села на пол, между креслом и стеной. Какое-то подсознательное желание спрятаться, затаиться, оглядеться...

И, устроившись так, чтобы вошедший в комнату меня не увидел, я вбила параметры

связи с мамой. Она ответила сразу, и экран отразил мамочку, забравшуюся в кресло с ногами и обнимающую ладонями большую чашку с чаем. И мама ничего не спрашивала и даже не бросалась фразами типа: «Я права», просто улыбнулась и сказала:

— Чего ты реवेशь, пантеренок?

Надо же, я и не заметила, что все лицо уже мокрое от слез.

Мама сделала плоток, улыбнулась и весело произнесла:

— Ну чего ты испугалась, Кирюсик? Это не Агарн, и нужна ты повелителю Аэ исключительно как любимая женщина.

— Я — наложница. — Судорожное рыдание с трудом удалось подавить.

— Ох, девочка моя, — мама отставила чашку, подалась чуть вперед, — разве с наложницами так ведут себя, Кира? Нет, пантеренок, ты для него единственная, и относятся к тебе как к единственной.

— Он... меня... запер! — Обида душила.

Вот действительно обида. Жгучая. За что со мной так?!

— И? — Мамуля выглядела на удивление счастливой.

— Тебе вообще все равно?! — выдохнула я.

— Напротив. — Мамочка сияла просто. — Но в отличие от тебя, осознавшей, что все не так радужно, как представлялось, я прекрасно знаю — повелителю Дард Аэ придется тебя отпустить. И он сделает это, не сегодня, так завтра. Потому что ему известно: один поцелуй — и у тебя начнется мутация, следовательно, к тебе Аэ не прикоснется. А ты его единственная, и даже нахождение с тобой в одном доме — уже испытание для тар-эна. Правящие — они особая каста. Ты темперамент воинов видела? У правящих хуже, Кирюсь. Он сейчас чувствует твой запах, ловит отголоски твоих эмоций, отслеживает твои передвижения и медленно сходит с ума от желания. День, два, три максимум, и Дард Аэ сам привезет тебя ко мне и прикажет убрать подальше от Иристана. Потому как тени эйтн данную планету покинуть не могут. Тени воинов способны — эйтн нет.

И все это так спокойненько. Мама действительно вообще не переживала!

— Мам, — я села удобнее, — а если я упаду, ударюсь, шок, мало ли что, и начнется мутация?!

Моя родительница сложила руки на груди, скептически на меня посмотрела и с усмешкой спросила:

— Шок? У тебя? От боли???

Кирюш, я это от тебя слышу?

Недоуменно смотрю на маму. Мама устало покачала головой и объяснила:

— Твоя единственная опасность — Аэ. В остальном, пантеренок, ты настолько тренирована, что у мутации ни шанса.

И так все просто.

— Мам, то есть ты вообще не переживаешь?

— Вообще, Кирюсь, — спокойно ответила она. — От всех воинов и от себя самого тебя защитит повелитель. Любые другие травмы тебе не страшны. И даже если ты начала ощущать присутствие тени, это мелочи, я абсолютно уверена в Дард Аэ, чтобы не допустить мысль, что он сорвется и даст выход собственному желанию. Слишком любит тебя. Слишком бережет. Следовательно...

И она развела руками, мол, и так все ясно. Мне ясно не было, у меня имелись вопросы:

— А если Эран найдет способ остановить или обойти мутацию?

— Невозможно. — Спокойствие мамочки было непоколебимо.

— Уверена? — Мне лично вспомнилось выражение лица тар-эна. — Мне кажется — найдет.

Улыбка у мамочки стала запредельная.

— Значит, ни шанса, — поняла я. — И что же делать мне?

Пожав плечами, мама предложила:

— Считай, что у тебя каникулы. Иристанские. Гуляй, вряд ли повелитель Аэ тебя отпустит одну, так что гуляй с ним, наслаждайся окрестностями — ИрАэ удивительно красивый город, прекраснейший на Иристане. Посмотри архитектуру, памятники культуры, наконец, вернись к тренировкам, явно же их забросила. И не грусти, все действительно потрясающе — ты устранила Агарна, и как изящно, Кира! Это просто невероятно, но ты разобралась с главной проблемой. А все остальное решается.

Как-то не сильно я была в этом уверена, если откровенно. Впрочем, разберусь позже.

— Мам, я не совсем поняла с этим наследованием мутаций и тому подобным, — честно призналась родительнице. — И если ты тоже из Аэрд, как получилось, что после родов... ну, ты ведь поняла?

Она кивнула, потом задумалась и начала объяснять:

— Тени эйтн — они захватчики, Кира. Они владеют телом эйтны, а вот у воинов иначе — воины владеют своими тенями.

Я конкретно знала одного воина, которым тень вполне себе даже владела, но говорить об этом не стала, ожидая продолжения от мамы.

— Так вот, тени эйтн и тени воинов в одном теле существовать не могут. Никак. Именно поэтому мама еще до моего рождения взяла с отца слово, что тот сделает все, чтобы я прошла посвящение в Каарде и стала воином.

Покивав, я уточнила:

— Но ты ведь не прошла?

— Нет, пантеренок, — мама несколько замаялась, — но когда я помогала Кирану стать воином, что-то случилось, и частично я тоже стала воином. Именно потому, став женщиной и матерью, я не мутировала в эйтну.

Внимательно смотрю на маму. То есть выход есть. И мама об этом знает, и бабушка тоже. Один Эран не в курсе, но после всего услышанного лично я его просвещать не собираюсь. С другой стороны, он и сам не дурак — рано или поздно догадается.

— Мам, вот вопрос: Эран твоей историей не заинтересуется?

Едва заметная улыбка и чуть слышное:

— Ты забываешь о моем брате, Кириусик, официально гены рода Аэрд перешли к нему, а мужчины эйтнами не становятся.

Ловко. Правду знают лишь двое, мама и бабушка, для остальных легенда. Впрочем, вспоминая отца и его планы на то, что я, став эйтной-хассаш, буду поддерживать его клан во всем, я понимала — у мамы есть причины сохранять тайну. Потому что тар-эны Иристана и впрямь умнее некуда, так что с ними иначе и не стоит, наверное.

Я посмотрела на маму, она мне загадочно улыбнулась. Слишком загадочно.

— И что ты задумала? — прямо спросила я.

Киара МакЭдл рассмеялась, а затем ответила:

— Аэ отпустит тебя, у него нет выбора. Об остальном расскажу при встрече. И очень прошу тебя, пантеренок, не терзайся на тему «если бы» и «как он так мог».

Я сглотнула и прошептала:

— Больно, мам.

Она больше не улыбалась, лишь с грустью сказала:

— Ты влюбилась.

Молча кивнула.

— Знаешь, — мама придвинула кресло ближе к монитору и словно стала ближе ко мне, — по-настоящему больно нам делают действительно любимые люди, это так. И я понимаю, что ты не ждала подобных действий со стороны повелителя, но просто пойми — он не мог поступить иначе. Не потому что плохой и не потому что решил сделать тебе больно, а исключительно по причине того, что он тар-эн. Он воин, Киран, и выражать свои серьезные намерения иначе не может. Если воин любит — становится той каменной стеной, что защитит от всего мира. И ему совершенно не понятна твоя обида, маленькая моя, ведь он убежден, что поступает правильно.

— Это не правильно, мам, — слезы снова по щекам, — это подло.

— Ох, Кира! — Она откинулась на спинку кресла, снова сложила руки, подумала и выдала: — Хорошо, представь ситуацию — вы идете вместе по дороге, на вас гипотетически нападают. Гипотетически, потому что нападать на главу клана Аэ никто никогда не рискнет, идиотов нет. Так вот, на вас нападают, что ты будешь делать — отойдешь в сторонку и подождешь, пока твой воин размажет всех врагов, или же ринешься в бой наравне с ним?

— Второе, естественно, — выдохнула я. — Мам, тут даже без вариантов, стоять в стороне я точно не буду.

Усмехнувшись, мама добила:

— И этим смертельно его оскорбишь.

— Что?! — потрясенно переспросила я.

— Ситуация, Киреныш, в которой ты бросаешься в бой наравне с воином, говорит о том, что ты не доверяешь ему и не убеждена в его способности защитить тебя и ваших детей. Это как удар в спину. Смертельное оскорбление. Для тар-эна это оскорбление, Кир.

— Но, мама! — Я подскочила, чем потревожила Икаса, который тоже прятался, как и я, но за другим креслом. — Это бред! Да я просто не смогу стоять в стороне и смотреть, как Эран сражается! А если его ранят? А если убьют! Да я себе этого никогда не прощу. И стоять в стороне... Да пусть хоть сто раз обижается! Я сделаю так, как считаю нужным, и потом пусть злится. Знаешь, лучше живой и злой, чем гордый, но покалеченный!

И вот я все это выпалила, а мама смотрит на меня и снисходительно улыбается. Так снисходительно и чуть-чуть насмешливо.

— Эран рассуждает так же, да? — догадалась я.

Мама кивнула.

Я снова села, но уже не на пол, а в кресло. На душе тяжесть такая неподъемная, потому что я отчетливо понимаю:

— Не смогу так жить.

— Знаю, — мама тяжело вздохнула, — я это знаю. Ты начинаешь осознавать. А повелитель Дард Аэ никогда не поймет. Мне очень жаль, Кира, но будущего у ваших чувств нет.

И вот странное дело, я была зла на Эрана, обижена до слез, и единственным моим желанием было уйти и вообще больше никогда его не видеть, но когда мама говорила вот так, что вообще ни шанса, я почему-то с трудом сдерживалась, чтобы не сказать: «Ты не права, мы будем вместе». Не логично, да, но что-то у меня в последнее время вообще тяжело с

логикой. Мама права — я влюбилась. Действительно влюбилась и вообще, кажется, с первого взгляда, а это очень сложно, когда разум твердит «нет», а ты забыть не можешь тот поцелуй у моста. И как он закрыл меня от папандра. И как обнимал ночью, осторожно, едва касаясь. И как смотрит — такое ощущение, что когда он на меня смотрит, в его глазах я вижу отражение бесконечного летнего неба. И мне бы хотелось, безумно хотелось привести его в университет, показать корабли и как я летаю. И в ночной клуб с ним, чтобы обнял на танцполе и я почувствовала, как волны мелодии уносят нас. И как было бы здорово получить букет цветов, которые он выбрал для меня... Но... Но помню его спокойное: «Воины не танцуют». Да и сомневаюсь, что Эран позволил бы мне полетать на каком-либо из гаэрских кораблей, ведь если учесть уровень технологий Иристана, наши корабли для них просто примитивны.

И что остается в сухом остатке? Для меня любовь — это красивые отношения, цветы, кафе, бег под летним дождем, аквапарк с аттракционами и возможность, примчавшись к любимому, выпалить: «У меня по стрельбе высший балл! Высший, все парни обзавидовались!» или «На учениях потеряли управление, едва не влетели в астероиды, чуть не погибли, но я справилась! И даже корабль не сильно пострадал!» Маме я такое сказать могу, гаэрскому парню тоже, в принципе особенно если он тоже будет капитан или просто военный. А смогу ли я подобное сказать Эрану? Сомневаюсь.

Для него любовь это совсем иное — женщина, запертая в безопасности в его доме, секс, дети... и все. Потому что для него так правильно.

Горько. Мне горько.

Открылась дверь, вошла женщина... или правильнее будет рабыня? Поклонилась низко, не то что с уважением, с каким-то трепетом и произнесла:

— Ваш завтрак подать сюда, принцесса Киран?

Есть совершенно не хотелось, но стоило взглянуть на Икаса, и я вспомнила, что еще не кормила его. И так стыдно стало.

— А где у вас кухня? — спросила я, торопливо поднимаясь и отключая связь со словами: — Мам, потом тебя наберу.

Женщина была несколько удивлена моим вопросом, но, поклонившись, потопала вперед, указывая направление. А за дверью нас снова ждали две хейры! И вот мы пошли, а эти величественно двинулись следом.

Несмотря на недовольство хозяином дома, сам дом мне нравился невероятно. Здесь было светло, просторно, много солнечных лучей, ветер, свободно гуляющий меж прозрачных занавесей, ковры, которые делали шаги бесшумными, и чисто так, вот у меня в комнате даже в общежитии так чисто не было, а тут буквально блестит все. Все-все — стекло, полы, поверхность мебели, хрусталь. Ощущение сказочности и нереальности! И вместе с тем... мне тут действительно нравилось, как-то все легко, свободно и изящно.

Странности начались, едва синегокожая женщина подвела меня к внушительной двери, из-за которой доносился веселый смех. Потому что сама женщина открыла дверь, поклонилась мне, но туда не вошла. И я уже хотела спросить почему, но:

— Исчезни, отродье! — раздался грозный окрик, и на пороге показалась иристанка.

Светлокожая, дородная, со светлыми, заплетенными в тугую косу волосами и в светлой одежде. Она замерла на пороге, а потом радостно воскликнула:

— Принцесса Киран!

— Здравствуйте, — ответила донельзя удивленная я.

— Здравствуйте! — восторженно разглядывая меня, ответила женщина. — Вы за едой для зверя?

Невольно кивнула.

— Так проходите. — Она пододвинулась, давая мне место. — Я уж с утра на рынке была, шесть видов мяса закупила, пусть выбирает пушистик ваш, что по нраву придется.

Икастик от радости аж подпрыгнул и на кухню метнулся быстрее меня. И что примечательно, иристанка с кухни даже не дрогнула, а вот синекожая отшатнулась, едва не упала и вообще с трудом сохранила равновесие.

— Пройдите, принцесса, — не обращая внимания на случившееся, пригласила светлая, — у меня и для вас столько вкусностей!

И я, конечно, пошла, но обратила внимание и на хейр, которые, презрительно фыркнув на синекожую, тоже вошли в кухню. Их кухарка не трогала, но и с теплом не относилась. Такое ощущение, что кошки уважали территорию женщины, женщина уважала их независимость. Зато с Икасом все было не так!

— Я — Ксана, — представились мне. — А это Ривин, Таллис и Малей.

В кухне действительно оказались еще три женщины — в передниках, с платками на головах и занимающиеся приготовлением пищи. И все местные. Мне мгновенно заулыбались, послышалось:

— Принцесса!

— Доброе утро, принцесса Киран!

— Рады вас видеть!

И мне действительно были рады. Очень. И это были не те женщины, которых я видела вчера. Вообще не те. Эти чуть коренастые, светлокожие, светлоглазые, улыбчивые.

— Я — Кира, — представилась, потому что точно не принцесса, — очень приятно познакомиться.

— И нам! — хором ответили Ривин, Таллис и Малей.

Ксана просто мне улыбнулась и потом погладила Икаса, который это ей даже позволил, и повела за собой, приговаривая:

— Снежная смерть голодненький совсем, да? Не покормили пушистика, нехорошие.

Шерстюсик едва не танцевал, уже чую запах мяса, но старался вести себя прилично и сам ничего не брал. Женщина умилилась этому, взяла три подноса, стоящие на столе, спустила на пол, распаковала бумажные пакеты, и на каждом подносе появилось по два внушительных куска мяса. Икас не привередничал! После моего разрешения схватил первый же ближайший кусок, заурчал и принялся завтракать. А я... ну я на хейр глянула. Черные зверюги хранили внешнюю невозмутимость, но какая-то она стала чуть презрительная, и на Икаса они все-таки поглядывали, а вот я подумала, что шерстюсику шесть кусков мяса будет откровенно многовато. Так что я решительно направилась к Снежной смерти и уверенно ему заявила:

— Икастик, нужно делиться!

После чего взяла один тяжеленный поднос, потащила его к хейрам, поставила перед ближайшей. Зверюги не шевельнулись, но теперь на меня смотрели чуть расширившимися глазами. Плевать. Я пошла, забрала второй поднос и притащила второй хейре. Поставила перед ней. Не шевельнулись. А я вспомнила их поведение и поняла главное — они разумны. То есть скорее всего даже речь понимают, как Икас. И потому смело заявила:

— Да ладно, он все равно потом еще и мой завтрак съест, а вам сегодня еще весь день

нас охранять, так что силы потребуются.

Но хейры все так же сидели, внимательно глядя на меня.

— Мм-м, принцесса Киран, — осторожно начала Ксана, — хейр кормят раз в сутки, ночью.

Я посмотрела на них — обе едва заметно вздохнули. Тяжело вздохнули. И главное, обе же явно хотели поесть, у них даже ноздри трепетали, а я подумала, представила ночное мясо и поняла главное:

— Оно же ночью будет все холодное и уже не свежее.

Хейры вздохнули повторно, на этот раз уже заметно.

— И вообще, — продолжила я, — жизнь одна, и ею нужно наслаждаться. Так что — наслаждайтесь.

Зверюги переглянулись, первая опустила голову, принялась... обнажила внушительные клыки и впилась в мясо с утробным урчанием. Вторая долго думать не стала и сделала то же самое.

Вот тогда и я поняла, что совсем голодная. Повернулась к женщинам, поймала их потрясенные взгляды и осторожно спросила:

— А есть что на завтрак?

Ксана всплеснула руками, выходя из ступора, и затараторила:

— Конечно-конечно, есть все, что пожелаете, мы с ночи наготовили! Вам где стол накрыть, на террасе, в спальне, в...

— Здесь, если можно, — попросила я, разглядывая кухню.

На самом деле мне кухня у Накара в подземном бункере понравилась, но и здесь оказалось неплохо. Во-первых, имелась печь, в которой пылал яркий огонь, а помимо нее все виды современных нагревательных приборов, включая микроволны, синтезатор белка и плазмод, во-вторых, как только я сказала, что буду завтракать здесь, у окна из стены выдвинулся стол, что говорило о наличествующих скрытых технологиях. Мелькнула мысль забраться в систему управления домом и посмотреть, что еще умеет это строение...

И эта мысль мне неожиданно так понравилась, что, сядя за стол, я достала сейр и принялась ваять целевое планирование на ближайшее будущее.

Собственно план:

1. Цель первая: Взломать систему управления домом Эрана. Исключительно из принципа.

В этот миг ощутила присутствие тени. Вскинула голову, взглянула на скалящуюся темную субстанцию, кивнула и поблагодарила:

— Спасибо, что напомнил.

Тень удивленно подлетела ближе, чтобы прочесть:

2. Цель вторая: Разобраться с тенью.

Зависшая над моим плечом субстанция зашипела.

— Сам нарвался, — спокойно заявила ему.

Именно «ему». Потому что ничего женского в этой сущности лично по моим ощущениям не наблюдалось.

— Простите, принцесса, — Ксана подошла ближе, — с вами все хорошо?

— Да, — не отрываясь от сейра и третьей записи, ответила я, — составляю планы на ближайшие дни.

Недолгое молчание и осторожное:

— А с кем вы сейчас разговаривали?

— С тенью, — невозмутимо ответила я, — вот она, рядом, висит на тему предстоящих жизненных трудностей.

Тень действительно висела, то открывая, то захлопывая пасть, потому как превосходно прочла цель номер три: «Уничтожить тени эйтн, спасти бабушку». И вот все бы ничего, но эта субстанция нашла в себе силы прошипеть:

«Невозможно!»

Я даже отвечать не стала, глянула на нее, усмехнулась и продолжила работать с целевым планированием. Мне многое нужно было выделить в качестве целей, например:

4. Уничтожить источник эйтновских теней.

Тень не выдержала и захрипела:

«Совесь есть?!»

— Извини, данную дисциплину нам не преподавали, — нагло ответила я.

Разгневанная субстанция испарилась. В смысле, не то чтобы испарилась, а унеслась темным пятном к двери, через нее и куда-то далеко. Не стала провожать даже взглядом, во-первых — чувствовала ее и так, во-вторых — мне было приятно, ибо месть за ночной кошмар имела место быть, и вообще зря меня пугать взялись. Я-то сначала пугаюсь, тут без вопросов, но потом меня страх просто бесит.

И тут меня отвлекла Ксана вопросом:

— Что вам подать к чаю?

Вспомнив, что почти не ужинала, я решительно заявила:

— Все.

Зря я это сказала, к моменту, как с планом было завершено, весь стол был завален едой. И да — это не Накар готовил определенно, потому как — пирожки, пирожные, торты, блинчики, безе, шоколадные шарики, кремовые воздушки, конфеты. Искоса взглянула на Ксану и остальных — получила самую счастливую улыбку и поняла, что именно все это женщины и готовили с глубокой ночи. Одна маленькая проблема — съешь столько сладостей, и конец энергетическому балансу, я потом весь день буду вялая.

— А фрукты есть? — спросила очень осторожно.

И улыбки медленно поехали вниз.

— Просто планов на сегодня много, — начала оправдываться я, — бегать придется, мозгами работать, а я после всего этого лягу на диване и буду медитировать на тему жизненных перспектив.

Расстроились окончательно.

— А давайте все в холодильную камеру и вечером с чаем?

Поняли, начали убирать, в итоге вновь был задан вопрос:

— Что вам подать, принцесса?

Отложив сейр, пошла смотреть, что у них есть. И столько всего нашла. И кашку, и сыр, и фрукты. Завтрак был быстрым, потому что с одной стороны ела я, с другой Икас нагло все уворовывал. Злиться на него смысла не было — там такие честные глаза и счастливая морда наблюдались, что прощалось все и с первого взгляда. Хейры у дверей мясо съели и теперь сыто облизывались и уже лежали, а не сидели. Ксана убрала подносы, женщины приступали к готовке обеда, и, попивая сок, я не могла не спросить:

— Девчонки, а вот эти женщины, которых вы сюда не пускаете, они кто? И почему не пускаете?

Ответила опять Ксана, и я так поняла, что она здесь главная:

— Так это рабы, принцесса.

— Лучше просто «Кира», — попросила я.

Женщины переглянулись, и Малей, она здесь, судя по внешности, была старше всех, сдержанно ответила:

— Вы — избранница повелителя Аэ, принцесса Киран. Когда вы примете дар его жизни, наше обращение к вам будет «повелительница Киран», таковы традиции, и менять их мы...

— «Кира», — упрямо повторила. А потом мстительно добавила: — И кто сказал, что лично я собираюсь принимать дар жизни Эрана?

У Таллис из рук выпала здоровенная кастрюля, которую она как раз водружала на плиту. Упала с грохотом! Все разлилось и рассыпалось, но странное дело, на случившееся никто и не оглянулся, все смотрели исключительно на меня. А вот лично я смотрела на пол, на котором вмиг засветилась лужа, засветилась и... пропала. Осталась кастрюля и идеально чистый пол... Я влезу в систему управления домом, обязательно влезу.

— Принцесса Киран, — голос Ксаны дрожал, — вы... вы не можете отказаться. Вы...

— Свободная личность, — перебила я. — Хочу — дам согласие, хочу — не дам. Я еще не решила.

— Но вы останетесь наложницей! — выдохнула Таллис.

Я нахмурилась, сложила руки на груди, и понеслось:

— В общем так, я гражданка Гаэры, а у нас нет понятия «наложница», у нас есть понятия любимая, невеста, жена и бывшая жена. И все. Что касается термина «наложница» — он ко мне никоим образом не относится и вообще...

— Но вы наложница, — перебила меня Малей. — Вчера все ожидали вашего согласия, во дворце готовился праздник, но утром повелитель все отменил. И конечно, мы знаем о вашем непростом характере воспитанной на другой планете женщины, но, принцесса Киран, как можно столь безответственно относиться к своему будущему?

Нормально, да? Я в осаде! Нерастворимом.

— Что? — переспросила вмиг севшим голосом.

Женщины переглянулись и промолчали. Я тоже помолчала некоторое время, потом спросила:

— А что еще вы обо мне знаете?

Теперь не просто промолчали, теперь замялись. Глаза в пол, передники теребят, явно сожалеют о сказанном. Я слегка тоже пожалела, что все это услышала, но мне бы и про остальное послушать следовало.

— Слушайте, девчонки, а это вчера кто ко мне приходил? — решила выяснить я.

— Жены и вдовы уважаемых воинов, — с благодарностью за уход от опасной темы торопливо ответила Ксана, — лучшие женщины ИрАэ.

Взрыв сверхновой!

Я резко вдохнула, выдохнула, достала сейр, включила, отправила вызов и, как только мама ответила, взбешенно прошипела:

— Мам, это у меня вчера не просто женщины, это местная аристократия была!

Зевнув, мамочка поинтересовалась:

— А ты кого ожидала, Кир?

Я нахмурилась. Чувствую себя окончательно преданной, обманутой и... злой.

— Не аристократок! — ответила сквозь зубы.

Мамуль улыбнулась, пожала плечами, хмыкнула и сказала:

— Правящий клан, Кириусик, и этим все сказано.

Все ясно, элита. Но все равно неприятно. А еще один момент:

— Мам, а синекожие это кто?

Улыбаться она перестала, нахмурилась, но ответила:

— Аракашцы.

Удивленно смотрю на нее, мам пояснила:

— Ты помнишь, я рассказывала о тех, кто напал на Иристан? — молча кивнула. — Это были аракашцы. Правитель Дард Аэ уничтожил их планету, и только часть жителей была привезена на Иристан, где они стали рабами. Причем рабство у них в худшей форме, Кира.

— То есть?

— Рабы выполняют грязную работу, самые доверенные допускаются до уборки. Но аракашцам никогда не доверяют приготовление пищи и сервировку стола — меры предосторожности, утвержденные законом.

Я вспомнила синекожую женщину, которая даже на порог кухни не ступила, и поняла теперь почему.

— Жестоко. — Все, что я могла сказать по данному поводу.

— Показательно, — парировала мама. — После уничтожения всех поселений на Аракаше Иристан обходит стороной даже Галактический союз.

Женщины на кухне стояли молча и даже не шевелились, прислушиваясь к нашему разговору, а потому важных тем я не поднимала, но еще кое о чем спросить хотела:

— Ты когда прилетаешь?

— Через двенадцать стандартных часов. Приземлюсь в хасстарате Шаега.

— Это у Нрого? — не поверила я.

Мамуль кивнула.

— Почему там?

— Безопасно для моего корабля. — Киара улыбнулась. — Оттуда к Аравану, безумно соскучилась по мальчику.

— Брат по тебе тоже скучает, — прошептала я.

Улыбнувшись, мамочка глянула в пространство позади меня, увидела Ксану, вопросительно вскинула бровь.

— Завтракаю, — объяснила матери.

— Одна? — удивилась мама.

— Нет, с Икасом и хейрами, — пробурчала я, с ходу поняв, что мама намекает на Эрана.

Рассмеявшись, мам тихо сказала:

— Не то чтобы я за повелителя Иристана, более того, категорически запрещаю тебе принимать дар его жизни, но все же, Кириус, ты его любишь, а потому постарайся сейчас проводить больше времени с главой Аэ, иначе потом жалеть будешь о каждой потерянной минуте.

— Сама разберусь, — прошипела я.

И отключила связь. У меня тут тени, цели, планирование в разгаре, а она мне про Эрана. Сижу злюсь, уже почему-то на маму... и на себя... и на Эрана. А потом подумала — вот если мама права, с Эраном я не смогу быть никогда, да и сама понимаю, что не смогу, то это же значит, что я его потом больше не увижу. Вообще.

Так какой смысл терять время?

— Все, девчонки, мне пора, — сказала я, торопливо поднимаясь.

Мне никто не ответил, женщины стояли переглядываясь и напряженно молчали.

— Спасибо за завтрак, удачного дня, — уже не так весело сказала я и потопала к двери.

Открыть не успела, как заговорила Малая:

— Принцесса Киран, вы...

— Всем удачного дня! — громче повторила я и, торопливо выйдя, пропустила Икаса и хейр и быстренько закрыла дверь.

Вот мама! Вот видела же, что наш разговор прекрасно слышат, зачем про Эрана было говорить?!

А аракашески в коридоре не было. И на мгновение я остановилась, раздумывая, куда идти. Потом посмотрела на умненьких хейр и решила спросить:

— А Эран где?

Черные зверюги переглянулись и двинулись вперед, оглянувшись шагов через шесть, с видом «Ну ты идешь?». Побежала за ними. Икас не просто не отставал, он начал носиться то вперед, обгоняя хейр, то назад — подталкивая меня, хотя вроде и так быстро двигались.

И мы прошли по прямому переходу без окон, но с мягким сиянием, льющим с потолка, а вышли на залитый солнечным светом двор. Я на мгновение зажмурилась, а когда открыла глаза, оказалось, что на меня с удивлением смотрят два зависших в метре от земли светловолосых воина.

— Принцесса Киран? — удивленно спросил один.

— Нет, — ничуть не смущаясь, солгала я.

Тар-эны улыбнулись.

И почти мгновенно опустились на землю, затем на одно колено. И вот с чего бы?

Все стало понятно, едва раздалось:

— Сэн.

Оба воина тут же взмыли вверх, а я увидела подошедшего Эрана. Перевела взгляд на хейр и похвалила:

— Молодцы.

Не то чтобы черные зверюги как-то отреагировали, но вид стал чуточку самодовольнее. Мне они нравились, гордые, но в общем-то нормальные.

Повернулась к Эрану. Воин странно смотрел на меня, сжав губы.

— Привет. — У меня не губы, но сердце определенно сжалось. — А что ты делаешь?

Легкая улыбка, честный ответ:

— Шел за тобой.

И так приятно стало, что я даже решила честно признаться:

— А я тебя искала.

Эран улыбнулся.

— А зачем ты за мной шел? — снова спросила, чувствуя, как его синие глаза постепенно затмевают для меня широкий, просторный двор, темно-зеленую зелень сада, синеву неба и даже яркий солнечный свет.

Невероятное ощущение.

— Я обещал показать тебе ИрАэ, — ответил Эран и протянул мне руку.

Протянула ему свою, и едва наши пальцы соприкоснулись, что-то случилось. Что-то молниеносное, потому что я вмиг оказалась в объятиях тар-эна, собственно, тоже крепко

обнимая его. Планета куда-то стремительно завертелась, так быстро-быстро, что стоять на ногах не было совершенно никакой возможности, и не держи меня воин, я бы рухнула. Куда-то в бесконечный космос точно. А так он держал, крепко-крепко, не позволяя даже попытаться его поцеловать, не давая возможности шевельнуться, и, уткнувшись в мои волосы, тяжело дышал. Секунда, другая, третья... я готова была стоять так вечно, но еще очень хотелось, чтобы меня поцеловали. Хотя бы чуть-чуть.

— Боги жестоки, — вдруг хрипло произнес Эран.

— Вообще гады, — простонала я, с одной стороны, вспоминая лицо бабушки Кираты, а с другой — то потрясающее чувство взрыва вселенной, что накрыло в объятиях тар-эна.

И как же хотелось послать все опасения к бракованному навигатору и снова, как тогда, таять от его прикосновений, его силы и нежности, почувствовать, как сильные ладони скользят по моему телу, и тянуться навстречу его губам. Кипец, у меня сердце уже где-то в ушах стучит, и все, что я сейчас слышу, это собственное биение крови и тяжелое дыхание Эрана...

Вдруг тар-эн отстранил меня, повернул, прижал спиной к своей груди и обнял исключительно за плечи, крепко-крепко. Но только за плечи. И таким образом мне представилась возможность полюбоваться на потрясенные морды хейр и Икаса, который даже тихонько зарычал.

— Успокой зверя, это не агрессия, — хрипло приказал Эран.

Я вспомнила, что примерно так же, рычанием, Икас реагировал на запах желания Нрого ко мне, усмехнулась и прошептала:

— А может, это он так на мое возбуждение реагирует, а не на твое.

Тар-эн хмыкнул мне в шею, и от этого теплого дыхания такие приятные мурашки по коже, и прошептал:

— Желание женщины — нежность, но никак не агрессия.

В чем-то я была с ним согласна, но исключительно из чувства противоречия:

— Ну почему же?

Эран застыл. А я пустилась разглагольствовать:

— Иногда, при определенных условиях...

Сжал чуть сильнее и, потершись носом о мой висок, прошептал:

— Продолжай, я запоминаю.

Странное дело — кое-кто мгновенно стал такой хорошей девочкой. Ненадолго.

— Так, все, пусти, — потребовала злая я.

— Предложение разумно, — согласился Эран, — но на данный момент невыполнимая задача. Еще минуту постой спокойно.

Все, конечно, понимаю, но, учитывая, как он только что меня уел по полной программе, менее всего хочется быть благоразумной.

— Знаешь что, — прошипела, — ты... ты вообще меня наложницей сделал!

И я надеялась на извинения?

— Не напоминай, пожалуйста, — простонал Эран. — У меня ассоциация с этим словом одна-единственная — ты на ложе.

Сассоциировала. Представила, что он рядом. Весь. Или лучше склоняется надо мной... Стало жарко.

— У меня гормоны зашкаливают, отпусти, пожалуйста, — тихо попросила.

Отпустил. Постояли еще пару минут — я, разглядывая небо, он — сад. Решено было о слове «наложница» забыть. Плохое слово. Провокационное. Дико провокационное.

Провокация удалась на славу, у меня мозг начал работать исключительно в одном направлении:

— Слушай, я вот тут подумала, — теперь смотрю исключительно под ноги, на блестящий, залитый чем-то вроде эпоксидной смолы двор, — тени, они вроде как на Иристане, а если бы взлететь...

И где моя гордость, спрашивается? И материнские заветы? И вообще верность собственным решениям. Стыдно, кадет Киран МакВаррас, очень стыдно.

— Думал об этом, — глухо отозвался Эран. — В свете сказанного тобой про тени и управление, тоже пришел к выводу, что они вторгаются в момент наибольшего ослабления контроля носителя. Но это теория, сердце мое, проверять на тебе я не буду.

— Бракованный навигатор, — тихо выругалась я.

Промолчал. А мне вообще обидно было. Я будущий капитан, у меня на разгульную эротическую жизнь всего-то годы обучения в университете, и то это когда без практики. А в космофлоте да здравствует непорочный образ жизни. Потому что когда ты женщина и ты капитан, твой образ должен быть чист, суров и непогрешим, то есть вообще никаких интрижек на корабле. И даже если ты замужем, увольнение раз в год, а то и раз в два года, в иное время капитан не человек, капитан лидер, а у лидера нет слабостей, и точка. И потому именно сейчас я отчетливо ощущала, как утекает мое время и моя возможность быть безбашенной, взбалмошной и любимой. Так хочется побыть любимой.

Но все равно где-то в глубине души я была благодарна отцу за Иристан, точнее, за то, что моим первым мужчиной стал Эран. Как минимум воспоминания о моем первом разе останутся самые что ни на есть потрясающие.

— Пошли город посмотреть. — Я вообще всхлипнула.

Тар-эн протянул руку. А я подошла к нему, уткнулась лбом в его твердую грудь и, плюнув на гордость, обняла. Потому что уже отчетливо поняла — мама права. Почти права. Потому что на почве «есть рядом, а взять нельзя» сходит с ума не только Эран, но и я тоже. Мне плохо. Мне физически плохо. И если сейчас я еще держусь, то о ночи даже думать уже страшно. Он же лежать будет рядом, совсем рядом, а его даже поцеловать нельзя.

Ну хоть наобнимаюсь вдоволь.

И тут Эран произнес:

— Код доступа к системе управления моего дома — твое имя.

— Что? — удивилась я, вскидывая голову и глядя на тар-эна.

На меня не смотрели, кое-кто поигрывал желваками и сжимал зубы. Но главное-то я уже услышала и даже поняла.

— Эран, ты подслушивал! — возмущенно воскликнула я. Потом вспомнила, что подслушать он не мог, и догадалась о более страшном: — И подсматривал! И сейр мой взломал!

На меня сурово посмотрели и сообщили:

— Я извинюсь. Обязательно. После тебя.

Догадываюсь, о чем он, а конкретно о моих планах на ближайшее будущее его недвижимости, но все же:

— Я-то только планировала, а ты уже сделал, — уже не так обиженно заявила ему и... снова носом в него уткнулась.

Хорошо. Приятно. Спокойно как-то и вообще нравится.

Тар-эн тоже обнял и задумчиво произнес:

— Целевое планирование.

— Да, хорошая штука, — согласилась я.

А вокруг так красиво птички пели.

— И твоя мать не права — не отпущу, — хрипло добавил он.

Я тяжело вздохнула и совсем тихо ответила:

— Отпустишь, Эран. Мне лучше от тебя подальше быть, иначе я с ума схожу. Ты, может, и выдержишь, ты сдержанный, а я... нет.

И я отстранилась, вновь посмотрела в небо. Такое синее, как чьи-то глаза наглые и бесстыжие. Причем наглые не в меру!

— Еще раз залезешь в мой сейр... — прошипела я, глядя в небо.

— Код от моего дворца — корень из суммы планет торгового Галактического союза, — ответили мне.

Хмуро смотрю на Эрана. Злюсь, очень.

— То есть ты мне только что вот так вот взял и с ходу признался, что будешь и подслушивать, и подглядывать, и сейр взламывать?

Тар-эн кивнул и даже улыбнулся.

— А сссовессть есть? — возмутилась я.

Эран наклонился и вкрадчиво прошептал:

— Она не входила в перечень изучаемых предметов.

Подалась к нему и прошипела:

— А зря, не помешала бы!

Тар-эн наклонился еще чуть ниже, практически коснулся носом моего носа и произнес:

— Это выводы, основанные на личном опыте? — Усмехнулся и добавил: — Только полный контроль дает мне возможность быть на шаг впереди, сердце мое. А значит, я буду контролировать тебя. Всегда.

Я уже собиралась высказать все, что по его поводу думаю, как вдруг Эран выпрямился, прижал два пальца к шее, видимо, прослушивая сообщение. А выслушав, кивнул мне на дом и приказал:

— Переоденься.

Во что и как, не уточнил, торопливо направившись в обход здания.

Молча посмотрела на Икаса, потом на хейр, потом на вход в дом, у которого ждала рабыня, потом на небо. Небо было синее, прямо как наглые глаза Эрана.

— На шаг впереди, значит? — мрачно произнесла я.

Постаралась вспомнить, чего у меня было в целевом планировании:

Цель первая: Взломать систему управления домом. Исключительно из принципа. Потому что хочется.

Цель вторая: Разобраться с тенью.

Вообще, чем мне нравится целевое планирование — оно от простых планов кардинально отличается. Например, нужно составить план попадания из пункта А в пункт D. Для этого берутся две точки, высчитывается максимально удобный маршрут следования, включающий в себя прохождение пунктов H, Y, G, R и собственно попадание в D, а дальше действие, то есть механическое следование плану. Именно составлению плана и четкому его следованию учат пилотов, десант, да и, в общем, всех. Капитаны изучают совершенно иной принцип — целевое планирование. Мы ставим цель — попасть в пункт D. Далее просчитывается курс следования, то есть те самые подпункты плана, которые будут

свидетельствовать о приближении к требуемому итогу, но план не ставится за основу действия, просто принимается во внимание. Потому что дорог и путей много, все во вселенной меняется, и вполне возможно, что, прибыв в пункт Н, выяснится, что вовсе нет необходимости следовать дальше в пункт У, а по внезапно открывшейся объездной трассе, минуя G и R, сразу попасть в D. Ну, или, например, путь из Н в У окажется закрыт, и нужно будет искать новые возможности и пути. Так что целевое планирование наше все, и потому мы ставим цель и идем к ней, ориентируясь на изменяющиеся внешние условия, принимая во внимание новые факторы, ситуационные моменты и вообще жизнь с ее изменчивым характером.

Я к тому, что кто мне мешает в данный конкретный момент поменять цели местами и заняться тенью, а взлом системы управления оставить на потом в качестве десерта? Тем более повелитель Иристана сам раздал все карты, а мне остается только сыграть. По своим правилам.

И мрачно направилась в спальню. Дорогу я уже запомнила, что радовало. Оказавшись на месте, торопливо открыла шкаф, достала рюкзак, тот, последний, сохранившийся у меня. Ничего полезного практически.

Кто-то отчаялся? Не я.

Я молча села на постель, на которой уже ждали брючный костюм и теплый белый плащ, включила сейр и задала в поиске: «Система управления „Умный дом“». И почти сразу получила ответ «Найдено устройство. Соответствие запросу 2 %». Маловато, но будем работать с тем, что есть. Команда действия: «Подключиться», пароль — «Кира».

И потрясающий звук победы: «Вход выполнен».

Следующая команда: «Адаптация».

Ответ сейра: «Начинаю распознавание».

Я быстро переоделась, умылась, заплела волосы в косу и, когда вернулась, получила свои два распознанных процента. Мало? Кому как. Для незначительной, отвлекающей внимание диверсии вполне достаточно.

История вторая:

О подземельях, портрете и мясной диете

Все началось с системы полива. Может, и мелочь, но когда ввысь взвиваются струи воды, равные по мощности струям пожарных брандспойтов, — внимание определенно обеспечено. И да — летать становится крайне опасно, как и ходить... если только в кажущуюся хаотичность не внесена четкая последовательность. И конечно, управление системами дома мгновенно попытались перехватить, но вот тут тар-энов ждало несколько примитивных, но действенных кадетских подстав. У нас на полигонах пароли меняли раз в полчаса, а в момент наступления сессии и вовсе каждые двенадцать минут. Просто потому, что руководство знало, что такое злой кадет и на что он в момент озарений способен, а вот воины нет. Вероятно, Эран просто не осознал, что я могу сделать с тем минимальным доступом, который он мне «великодушно» предоставил. А зря.

Так что теперь я спокойно шла по саду, отсчитывая про себя секунды и отслеживая открытие ворот. Причина открытия была крайне проста — служба доставки продовольствия прибыла. Кто вызвал? Понятия не имею, но два процента доступа, это при наличии мозгов и соответствующей подготовки, крайне немало. Как, впрочем, и приятного осознания — продукты самому повелителю Иристана доставляет не программа, а самый что ни на есть обычный иристанец, что есть даже не воин.

— О, — выдохнул спрыгнувший с платформы мужчина, — а... что здесь?

— Красиво, правда? — Я на мгновение обернулась.

Действительно красиво было — струи воды устремляются вверх, в полуденном солнце сияя радугой. Сказка. Просто сказка.

— Э-э-э... — произнес иристанец.

— Икас, усыпить, — кратко скомандовала я.

Хейры тихо обалдевали, нервно избивая мокрыми хвостами землю. В отличие от Икаса, который четко шел след в след за мной и потому был чист и сух, обе черные зверюги раз пять взлетали вместе с водными потоками, но все равно не отставали. Угрюмо посмотрела на обеих, указала на платформу и, надевая форменную одежду мужчины из доставки, сказала:

— Хотите с нами — прыгайте, нет — мы с Икасом сваливаем. Времени на размышления нет.

Не знаю, какой приказ был у животных, возможно, меня охранять, возможно, постоянно следить, но послушались. Прыгнули на платформу, шерстусик за ними, я, помня уроки Нрого, достаточно быстро разобралась в управлении, накрыла пологом зверюг и взлетела.

За воротами нас, возможно, остановили бы, однако зов к обеду даже тар-энов правящего класса делает несколько более рассеянными, чем следовало бы. Меня просканировали на факт ношения оружия и, не обнаружив ничего, пропустили.

Взмывая вверх над ИрАэ, я улыбалась. Коварно.

Нет, ну а о чем он думал, давая мне доступ к системе управления? Что я удовлетворюсь схемой устройства кухни?

— Грр, — донеслось сзади.

— Ведите себя прилично, — предупредила хейр, — кто не согласен, того не держим.

Мгновенно стало тихо.

А я вызывала карту города, торопливо просматривая нужные мне объекты. Нашла достаточно быстро — ближайший храм был левее главной улицы, ведущей ко дворцу повелителя. На осмотр достопримечательностей времени не было, к сожалению.

Но его оказалось еще меньше — тихая трель продемонстрировала, что мой сейр взломан. Затем на экране стремительно побежали колонки символов, и я поняла, что Эран уничтожает мои вирусы, благополучно внедренные в систему управления домом. Точнее, в те два пункта, доступ к которым он мне дал — кухня и система полива! На взлом у повелителя Иристана ушло до обидного мало времени — пятнадцать секунд. После чего я услышала его злое:

— ИрАэ я и так собирался показать тебе.

Обернулась — над покинутым мной поместьем взлетало с десятков тар-энов на сверкающих платформах. Шустрые они. Обидно. Но по сути значения не имеет, мы уже снижались, и, собственно, тратить все время на спуск я не планировала.

— Икас, приготовься, будем прыгать, — предупредила шерстюсика.

Хейры наострили ушки.

Улыбнулась и посмотрела вниз — пологий купол храма был выкрашен в черное и удерживался на более чем двадцати белых колоннах. Любопытное сочетание цветов, обычно делают наоборот, ну да их сложности.

В максимально приближенной точке я спрыгнула с платформы! Перекувыркнулась и заскользила вниз. Звери повторили мой маневр один за другим, но когти позволяли им спускаться следом за мной, а не скользить в ожидании края крыши. Это радовало, значит, за них можно было не переживать. И я, перевернувшись на живот, ускорила.

Головокружительный спуск, зацепка за бортик водозаборной системы, рывок, и я повисла рядом с застекленным окном. Слаженный удар ногами, звон стекла, и я следом за осколками ввалилась в храм.

Второй была хейра, третьим Икас и замыкала вторая хейра. Мимолетно отметив, что все в сборе, я поднялась, сорвала с головы форменную кепку службы доставки и огляделась. Помещение оказалось на редкость красивым — круглый потолок, изображающий ночное небо, узкие окна, выполненные в виде голубых колонн. Точнее, все окна были голубые, кроме того, что я так благополучно разбила. И здорово, что это было только стекло, а вообще планировалось слезть по стене и дальше сползти по колонне, чтобы в храм войти. Но так даже лучше. Посмотрела на пол — непроницаемо черный ковер, и все. Вообще все. Никакой мебели в помещении не было и в помине, зато имелись двери — шесть штук.

— За мной! — скомандовала зверям и пошла проводить осмотр.

Двери номер один, два, три, пять и шесть — использовались часто, о чем свидетельствовали отполированные ручки, что касается двери номер четыре, она представляла собой нечто загадочное с тремя степенями защиты, одним многоступенчатым замком и главной достопримечательностью — глазами эйтны. Не настоящими, нет, просто нарисованными, но так достоверно, что смотреть было жутковато.

Более чем жутковато, но, видимо, после ночного посещения меня тенью малейшее проявление ужаса теперь вызывало злость. И потому я, гордо вскинув голову, нагло посмотрела прямо в эти глаза. Просто так, чтобы доказать самой себе, что не боюсь!

То, что произошло дальше, повергло в шок.

Щелчок. Еще щелчок. Проворот ключа. Отключение системы защиты.

И дверь с тихим скрипом открылась!

Несколько секунд я стояла и потрясенно смотрела на темень, куда меня так явно приглашали. Идти не хотелось вовсе. До крайности.

Но под стенами храма уже слышались крики, и я поняла, что времени на размышления нет, действовать нужно незамедлительно.

— Икас, рядом, — прошептала и шагнула в объятия тьмы.

Шерстюсик успел, он шел рядом, как и было велено, хейры уже привычно держались чуть позади, и когда дверь неожиданно закрылась, они просто не успели. Последнее, что я услышала, — рычание одной из зверюг, но потом дверь отсекала даже звуки.

Темно, тихо настолько, что кажется, со всех сторон обволакивает что-то вязкое, жуткое, и если бы не Икас рядом, я бы чувствовала себя хуже. Нервно погладила стоящего совсем близко шерстюсика, достала сейр, включила. Тусклый луч осветил пространство с уходящим вниз тоннелем, датчики сети продемонстрировали, что связь в данном пространстве отсутствует напрочь.

Весело.

Нет, теоретически я там, куда намеревалась попасть, — в храме. Если предположить, что я не только теоретически, но и фактически права — вот этот конкретный путь предназначен для теней или носителей теней, потому и ручки на двери не тронуты. А то, что тени эйтн через стены не ходят, это я уже поняла — и в первый, и во второй раз «моя» тень появлялась и исчезала через двери, в то время как тени Нрого беспрепятственно гуляли сквозь стены. То есть если я права, то это вход в подземелье, где тени и тусуются.

Теперь два вопроса — грозит ли мне опасность и как отсюда выбираться?

Ответ на второй вопрос в принципе не особо важен — выбраться я всегда сумею, не сама, так хейры Эрана на вход наведут. А вот с опасностью другое дело — не то чтобы я боялась теней, я опасалась исключительно мутации. Впрочем, мама сказала, что единственный катализатор для моих изменений сам Эран. Следовательно, тени опасны, но не смертельно.

— Икас, мы идем гулять, — прошептала я шерстюсику.

Перевод сейра в режим «узконаправленный свет», и я шагнула в темень уходящего спиралью вниз узкого пространства. Икас бесшумно шел рядом, видимо, Снежная смерть сделал правильные выводы относительно не успевших войти хейр и теперь держался максимально близко ко мне.

* * *

Спускаться было жутко — каменное полотно извивалось под ногами, уводя все ниже, ниже и ниже, единственное, что порадовало, — плимкнувший сейр, обозначивший, что связь здесь есть. Слабая, недостаточная для переговоров, но на поиск информации сгодится. И мы продолжили путь.

Примерно спустя две тысячи шагов на узких серых стенах появились надписи. Забавные, с цветочками и поцелуйчиками. Девчачьи.

Странно, да?

Вот и мне странно стало, подошла к стене поближе, поковыряла ногтем — а помадой писали, но давно. Судя по цвету, уже лет двести прошло. Разобрать бы еще что. Иду дальше — надписей больше. Смешные, с закорючками, опять же цветочки, поцелушечки, бабочки.

Красотень просто. Ну точно девчонки писали, причем влюбленные. И я таки была права — чуть дальше обнаружился портретик воина. Судя по тому, что в его волосах цветочки обнаружались, а весь портрет был зацелован, это, так сказать, объект восторженной любви.

Поулыбалась, иду дальше.

Икастик, что примечательно, тоже головой всюю крутит и все рассматривает.

— Это последствия пламенной, восторженной любви, — весело пояснила ему, — у нас в школе в туалете на стенках то же самое творилось.

Шерстюстик фыркнул, я улыбнулась шире и... замерла.

Остановилась, занеся ногу для следующего шага.

И застыла, затаив дыхание и прикусив губу.

В следующее мгновение мне стало не просто не по себе — меня пот прошиб и сердце забилось в сумасшедшем ритме глюченного андроида!

Твою мать! Твою мать к нестабильному атому! Мы же не в туалете средней школы! Мы в тоннеле, ведущем на поверхность проклятого всем нестабильным космосом Иристана!

Твою мать!!!

— Грр? — вопросительно прорычал Икас.

А я медленно повернулась. Семнадцать шагов в обратном направлении, и вот он — портрет воина. Обожаемого воина. Любимого настолько, что девчушка зацеловала его всего. И эти следы от блеска, которым обычно пользуются подростки, они, конечно, потускнели от времени, но маслянистыми пятнами остались! Остались по всему нарисованному лицу.

И кто способен на вот такую безумную вплоть до поклонения и обожествления любовь? Малолетки. Мне почему-то сразу вспомнилась Мика, зацеловывающая свой собственный сейр, на котором был изображен ее на тот момент возлюбленный. И сердечки в дневнике, выводимые тонким грифелем манипулятора, и приписочки вроде «Мика и Хамри вместе навек!». Здесь, по всему проходу, были не сердечки, а цветочки, солнышки, звездочки и бабочки, но суть та же!

А теперь вопрос — кто были эти влюбленные до седьмого неба девочки? Много девочек. Пугающе много. Так кто? Хотя к чему вопрос, этот тоннель предназначен всего для двух категорий — эйтн и теней! И здесь на протяжении веков, а быть может, и тысяч лет ходили эйтны и тени. Вот только что-то я никак не могу представить себе влюбленных эйтн. Можно, конечно, сказать, что это дискриминация черномотанок, если бы не одно «но» — у бабушки губ не было, целовать стены нечем. И более того, после вида ее изуродованного мутацией лица целовать кого-либо уже вообще желания не возникнет...

Если только не влюблена настолько, что гормоны табуном шагают и революции устраивают!

И вот теперь мне стало плохо. Действительно плохо. Плохо настолько, что ноги ослабели и я совершенно обессиленно опустилась на пол.

Шерстюстик подошел, сел рядом, встревоженно заглядывая в глаза, а я сидела, обхватив колени руками, думала, анализировала, сопоставляла факты. Еще раз снова и снова прокручивая в памяти историю, рассказанную Араваном:

«Традиционно эйтна-хассаш принадлежит именно к Аэрд, и наша бабушка должна была стать главной эйтной. Но в священной Каарде бабушка, тогда еще совсем юная послушница, не прошедшая мутацию, увидела деда. Еще не воина, еще не главу клана, еще только готовящегося к посвящению юношу. Я толком не знаю, что между ними произошло — то ли дед поддержал споткнувшуюся послушницу, то ли послушница проявила своеволие и

посвятила война сама, не могу точно сказать. Они познакомились».

Хорошая история. Красивая. О любви даже. Одна проблема — вот, допустим, я девчонка, пусть даже, как сейчас, из рода Аэрд, женщины которого традиционно становятся эйтнами. Я послушница и живу в подземелье, а значит, вижу изуродованных эйтн, вижу тени, знаю, чем мне все это грозит. И точно знаю, что без соития с воином никакой второй фазы мутации не будет, так? Получается, что так. А теперь объясните мне хоть кто-нибудь, какая девчонка-подросток согласится стать изуродованной эйтной?!

А никакая! Дур нет! В юности как никогда ценишь свою внешность! Я это точно знаю, сама недавно подростковую зацикленность на многочасовом разглядывании себя в зеркале прошла. И это я, растущая в условиях постоянной занятости, про Мику и говорить нечего, там было куда веселее: «А мне такой хвостик идет? А как тебе цвет ресниц? А с зелеными глазами я краше, да?» О да, в юности мы любим себя. Любим настолько сильно, что вряд ли согласились бы ради каких-то навязанных идеалов на пожизненное уродство и проживание во тьме подземелий.

И я поднимаю голову и с тяжелым сердцем оглядываю сотни надписей... цветочков, бабочек, звездочек.

И понимаю страшное, то, о чем, несомненно, знают тени — себя-то девчонки любят, но забывают обо всем, когда влюбляются! Обо всем. Включая себя. И молоденькая эйтна, как мотылек на свет огня, летит к воину, чтобы сгореть в пламени мутации!

И сгорает! Достаточно вспомнить бабушку.

Тихий стон. Мой. Потому что мои мысли бегут дальше, и я вспоминаю, что чем сильнее воин, тем опаснее мутация. А кто может быть сильнее правящего клана?! Никто! И перед глазами вновь мелькает тот день в Шоданаре. День, когда я встретила Эрана. И то ощущение, что накрыло с головой, — ошеломляющее, сбивающее с ног, лишаящее разума желание.

Желание, не любовь.

Впрочем, любовь слишком эфемерное понятие, чувство, на которое повлиять сложно, а вот с желанием все проще. Сделать так, чтобы будущая эйтна увидела всего одного воина, единственного, теоретически не сложно. И если припомнить, мне в тот день все виделось размытым, неярким, нечетким — кроме синеглазого воина. Я видела только его, я дышала только им, я с ума по нему сходила. Сразу, мгновенно, с первого взгляда! И это я, кадет S-класса, более чем способная держать себя в руках.

Кстати, я же сдержалась. Я даже рассуждать была способна и не бросилась на него с ходу. А как же девчонки? Девочки, у которых не было приказа от матери и чувства отвращения к самой себе из-за необходимости переспать с первым встречным. Они ведь не раздумывая бросались в объятия страсти, а дальше мутация. Вторая. И это если беременность не наступала с первого раза, а если наступала, что тогда? Девять месяцев ожидания неизбежного. Роды. Боль. И тень, захватывающая власть в твоём собственном теле?

Уроды! Просто уроды! Но схема ясна, и возникает вопрос — что же пошло не так в истории бабушки и дедушки? И вспомнила — дедушка не хотел детей, не хотел и берег свою любимую. Берег до последнего. И тогда эйтны попытались провести ритуал, чтобы добиться желаемого, но дед и тут помешал им и забрал бабушку из подземелья. Сколько лет они жили вместе? Надо бы выяснить у Аравана, но брат говорил, что много. А после бабушка решила, что дети важнее, и родила. Что с ней случилось дальше, я видела.

Уродские тени!

Проклятые уродские тени! Хуже викрианских глистов и сбоя в гипердвижке!

— Грр... — Икас лизнул мое лицо, видимо, окончательно встревоженный моим поведением.

— Все хорошо, шерстюсик, — тихо ответила я.

И поняла, что сейчас следует сосредоточиться на своей основной проблеме. Итак — Эран и мои чувства к нему. В том, что желание во мне вызвали искусственно, уже даже не сомневалась. Сейчас я отчетливо понимала — так реагировать на мужчину нонсенс! Слишком нетипично для меня. Потому что я не такая. Я ведь даже в ситуации с Эдвардом Дрейгом, тем самым, в которого была влюблена с двенадцати лет, так себя не вела. С Эраном было иначе. Все иначе. У меня словно включилось тоннельное зрение, и все, что я оказалась способна видеть, — светловолосый воин, на которого лавиной среагировали все мои гормоны... А мои ли это были гормоны?!

Правда, в ситуации со мной имелся маленький просчет — я была готова уйти. Эран обидел предположением, что подобным же образом я могу среагировать на другого из Аэ, и я ушла. Горжусь собой, серьезно. Хоть чем-то...

Но, несмотря на пришедшее осознание, я бы солгала самой себе, если бы сказала, что чувствую к Эрану только желание.

Мне вдруг повторно стало плохо. Потому что каленым железом в памяти вспыхнула реплика синеглазого: «Киран, если ты чувствуешь ко мне только желание и ничего больше, я не буду тебя удерживать». Так, получается, Эран знает!

Я застонала повторно.

Эран знает. Знает про то, что влечение молоденьких будущих эйтн создается искусственно. Он знает! Не в этом ли причина, что повелитель Иристана изначально отказался от дочери хассара Айгора? И тогда совершенно понятной становится его фраза. И он бы отпустил, действительно отпустил, не скажи я правду о своих чувствах. И я его понимаю — кому приятно полюбить того, кто не то что даже не любит, но и хочет не по собственному желанию. Интересно, а воины знали, что влюбленные в них девушки эйтны?

Погладив мордочку Икаса, я поднялась, перестроила сейр на режим съемки, чтобы сохранить и расшифровать. Нет, в принципе, все понятно, и все же много доказательств не бывает, а я хочу разобраться в ситуации.

Спускаюсь ниже, еще примерно через три тысячи шагов начинается легкое головокружение. Остановилась, глянула на Икаса — Снежная смерть признаков беспокойства не проявлял. Сделала глубокий вдох — тоже ничего странного не ощутила, разве что с кислородом тут было туго, но оно и неудивительно — подземелье. А надписи закончились еще полторы тысячи шагов назад, и сейчас имелся только тоннель — серый, темный, грустный.

Спустя еще восемьсот шестнадцать шагов мы уткнулись в перекресток — тоннель разделился на три хода. Усилив свет, я присмотрелась к ходам — уходящий вправо использовался часто, местами блестел даже, стертый многочисленными ногами, средний тоже использовался нередко, но казался более заброшенным — а вот в левый никто не ходил. Вообще.

— Пошли налево, Икастик, — со смешком предложила.

Шерстюсик против выбранного направления не возражал, так что мы пошли налево и почти сразу пожалели, особенно Икас — здесь все было покрыто мхом. И ладно я, я в обуви, а вот зверю шагать было заметно неприятно.

Шли долго, шагов четыре тысячи пятьсот пятьдесят — четыре тысячи пятьсот

девяносто, точнее сказать не могу, так как несколько раз поскользнулась, отсюда и неточности в подсчетах. По всему выходило, что я уже три с половиной часа нахожусь в подземелье — не слабо. Откровенно злюсь на себя за отсутствие воды и еды, все же не на поверхности, где проблема решается быстро, должна была бы подумать. Обязана просто. И если не о себе, я-то протяну, то хотя бы об Икасе. Успокаивало лишь одно — в любом случае в течение суток смогу вернуться.

В следующее мгновение я так уже не думала! Потому что впереди обнаружился сидящий у стены скелет! Даже уже не труп, а высохшие, обтянутые кожей кости. Я присела рядом на корточки, запретив Икасу приближаться, усилила свет, осмотрела тело. Видимых повреждений нет, никаких. Истлевшая одежда целая, лицо чуть тронутое мутацией, рядом с левой рукой чашка...

— Грр, — прорычал шерстусик на уже пустую тару.

— Яд? — скорее догадалась, чем спросила я.

Рядом со скелетом увидела слово, одно. Нацарапанное чем-то темным. Судя по символам, язык тот же, что и у надписей, разукрасивших тоннель вначале. И вот если с теми надписями было все ясно и никакой важной информации они в себе не несли, этой надписью я заинтересовалась. Настроила сейр на слабый сигнал, подключилась и попыталась вспомнить, о каком языке говорил Эран.

И вот она странность — я почти дословно прямо сейчас могу вспомнить, что говорил мне Араван, а фразу, произнесенную тар-эном, никак. Сесть бы на пол и сосредоточиться, но тут для этого чрезмерно грязно. Икас ткнулся носом в мое плечо, нервно погладила шерстусика и, сидя на корточках, попыталась вспомнить.

Тень тогда выругалась, а Эран сказал...

В темном помещении словно вспыхнул свет, и я увидела себя, находящуюся на коленях у воина. Одна его рука обнимает мои плечи, вторая лежит на бедре, и от его прикосновений так тепло и спокойно, и голос... даже голос я слышу так, словно он гладит, нежно, но сильно и властно и словно... Стоп!

Тряхнула головой, прогоняя наваждение, и еще раз попыталась вспомнить. Тень, ее ругательство, да, я даже тень довела — горжусь собой, и задумчивую реплику Эрана: «Я знаю этот язык». Это я вспомнила, отлично, а какой это язык? Вновь пытаюсь воспроизвести в памяти ситуацию, вспоминалась исключительно ладонь воина на моей руке. И мысли понеслись совсем не в том направлении!

Молча залепила себе пощечину. Звук удара разнесся по тьме, вернулся глухим эхом, щека горела, но зато подействовало. Я вспомнила!

Вспомнила Эрана, его синие глаза, такие яркие на фоне загорелой кожи, и спокойный ответ:

«Да, ругательства на древнетшейском».

Древнетшейский.

Поднялась, вбила в поиск: «Тшейс». Система выдала сведения о планете малого круга близ Орейской галактики. Младший член Галактического союза, то есть вошедший на невыгодных экономических условиях, недостаточное развитие цивилизации, гуманоидное население и язык, не имеющий ничего общего ни с одной из виденных мной надписей.

Печально. Если бы не одно «но» — Эран сказал «Древнетшейский».

Вбиваю: «Древние цивилизации Тшейса».

Система выдала сведения о трех глубинных разрушенных поселениях, и все. По поводу

самой цивилизации: «Причины гибели неизвестны». По письменности ничего вообще.

Смиряться с положением не хотелось, вбила поиск пиратской копии базы Института языковедения имени Грасса, развивающегося под эгидой Алтари, и, оставив систему выполнять запрос, двинулась дальше, зафиксировав на камеру как труп, так и надпись.

Переступить через кости то еще удовольствие, но поворачивать я не собиралась. Еще четыре тысячи шагов по истлевшему, а не живому, как в начале пути, мху, под малоприятные размышления на тему «Почему тени разговаривают на языке давно погибшей цивилизации Тшейса». Ответа у меня не было, что вообще не радовало. Икаса уже тоже ничего не радовало, мы устали.

А затем я увидела тень!

И прежде, чем осознала, что делаю, ухватила Икаса за загривок и заставила прижаться к стене. Мы стояли неподвижно, когда задумчивая бормочущая тень бестелесным призраком проскользнула мимо, так и не увидев нас. Судя по поведению, шерстюсик ее тоже не засек и потому непонимающе смотрел на меня, но не шевелился.

Я простояла до тех пор, пока не затихло бормотание тени, затем осторожно продолжила путь, прислушиваясь к каждому шороху.

Спустя еще не более пятисот шагов увидела свет, но солоноватый запах ощутила раньше, как и Икас, вдруг начавший себя вести несколько нервно. Запах крови, да, его ни с чем не перепутаешь. Неудивительно, что я остановилась. И дело не в страхе — собой рисковать дело привычное, но рядом со мной Икас.

— Идем назад? — шепотом спросила зверя.

Шерстюсик дернул хвостом и устремился вперед. Я же осталась стоять и дождалась, пока Снежная смерть вернется. Опасно, слишком опасно отпускать его одного, так что вперед мы пошли вместе, точнее даже, прокрались, потому что впереди был не только свет, впереди были и эйтны. Я слышала смешки, звуки разговоров, а ощущала запах крови.

Пятьдесят шесть шагов, и мы из тьмы вышли к комнате, из которой два прохода вели в светлый, освещенный красноватым светом живого пламени коридор, а третий вел в другое, черное помещение. И что удивляло — наш ход был закрыт чем-то странным, напоминающим призрачную ткань или проницаемую преграду. Словно тончайшая черная пленка, дышащая пленка. Молча сняла шарф, намотала, прикоснулась — ткань беспрепятственно миновала преграду.

— Икас, рядом! — прошептала я и шагнула в проход.

Преграда пропустила и нас. Так легко и естественно, словно ее здесь и не существовало, но стоило мне обернуться — стена. Старинная стена из красноватых камней, и как я ни прикасалась, как ни пыталась сдвинуть — пленкой это больше не было, был камень. Икас, до крайности удивленный такими изменениями, даже поцарапал стену — ничего. Мы вошли, а вот выход не представлялся возможным. Единственное, что напоминало о месте, через которое мы прошли, — следы от когтей Икаса.

— Еще поцарапай, — попросила я, оглядываясь.

Странное дело, из-за стены я видела два выхода в светлые коридоры, причем видела их и сейчас, но вот вход в темень, еще один, я в данный момент не наблюдала, а из-за пленки он был виден отчетливо. Вернулась к тому месту, откуда вышла, постаралась четко вспомнить, где видела тот, второй темный проход. Вспомнила, подошла к противоположной стене, прикоснулась к камням — рука беспрепятственно вошла в кладку.

— Икас, — тихо позвала я, — пометь это место.

Шерстюсик подошел, важно кивнул и... пометил.

— Икас! — возмутилась я.

Зверь не отреагировал, он удивленно смотрел, как струйка исчезает, вместо того чтобы мокрым пятном растекаться по стенке. Заинтересовался. И уже не помечал, а делал мокрое дело, внимательно следя за процессом.

— Фу на тебя, — не сдержалась я.

На меня хмуро глянули, мол, «Сама просила пометить».

— Потом найдешь? — спросила шепотом, прислушиваясь к шуму впереди.

Шерстюсик кивнул и завершил с процессом. В принципе решение правильное — он потом действительно по запаху найдет, а запахи в замкнутом пространстве разносятся далеко, так что шанс был.

— Место запомни, — попросила я, — выбираться будем отсюда.

Икас кивнул, серьезно глядя на меня. Понимающий он у меня или... или чувствует что-то? Похоже, чувствует — ноздри черного влажного носа задергались.

— Веди, но осторожно, — приказала я.

Снежная смерть метнулся в светлый проход, я за ним.

Помещение, в котором мы оказались, было синим. Темно-синий камень, чем-то напоминающий сланец, и дверные проходы, ведущие в красно-кирпичные комнаты. Никакой мебели, забитый земляной пол, факелы в комнатах, но не в этом темно-синем тоннеле. И усилившийся запах крови. К источнику запаха Икас и помчался, замерев у следующего поворота. Я, следуя его примеру, быстро прижалась к стене, и вовремя — из красного прохода вышли две эйтны.

Не замотанные, и потому в красном, льющемся из дверного проема свете были отчетливо видны лысые, чуть трансформированные черепа,двигающиеся в разговоре изуродованные челюсти.

— Эшшсан гремха тоге, — мужским хриплым голосом произнесла одна из женщин.

— Харагата э, — ответила вторая.

Мимо нас они прошли, не заметив, но зато заметила я, как по челюстям капала маслянистая густая жидкость. В том, что это была кровь, даже не сомневаюсь.

Когда шаги эйтн стихли, Икас скользнул в тот проход, откуда они вышли, я следом. В красном, наполненном светом живого огня помещении мебели также не наблюдалось, все те же голые стены. Миновав комнату, мы вновь очутились в синем коридоре, Икас ускорился и теперь бежал, я не отставала.

Но шагов через триста Снежная смерть резко взмыл вверх и повис на стене, над следующим проходом, а я так не могла. У меня когтей не было. В панике огляделась и спряталась в одном из красных проходов. И правильно сделала, потому что зацепись за что-то на стене — свалилась бы.

— Киран покинула дом повелителя, — произнес голос, чью обладательницу я не могла разглядеть.

— Ее требуется найти, — произнесла вторая эйтна.

— Стоит ли? — третий голос.

Я едва дышала, прислушиваясь к говорящим.

— О чем вы, эйтна Иллошан? — снова первая. — Она Аэрд, истинная Аэрд. Ее ДНК способна полностью трансформироваться. И мы получим то, к чему шли долгие годы.

— Да, долгие годы, — вновь третий голос, — но вспомним — дом воина Агарна в

руинах, хассарат его в иных руках, кланом иной правит. Опыт, шейсы, опыт. Опасна дочь Киары, опасна.

И тишина.

Я мучительно ждала продолжения, но ни слова. Осторожно выглянув в синий проход, увидела трех удаляющихся эйтн в белом. В белом! То есть это не черномотанки, которые на поверхность выходят, это иные — белые. И то, как третья назвала их — «шейсы», есть в этом что-то схожее с Тшейс.

Бесшумно спрыгнул Икасик, глянул на меня, дождался кивка и устремился вперед, на запах, я за ним, уже чувствуя первые признаки усталости. Бежать пришлось недолго — не пробежав и тысячи шагов, мы были вынуждены вновь прятаться — еще две эйтны без платков на головах, облизывая кровь черными языками, миновали коридор, выйдя из одного красного прохода, чтобы пройти в другой. И вот теперь запах крови стал невыносим. Вот только был он какой-то... странный. Слишком солоноватый.

Икас вошел первым, я за ним. И сразу потянулась к носу, закрывая ладонью. Потому что прозрачная пленка, которая здесь тоже имелась на входе, похоже, придерживала запах, а вот в самом помещении ржаво-красного цвета вонь стояла невыносимая. Ну не вонь, запах крови, но невыносимый до вонь! А еще тут были чаны — много, много, много чанов с кровью, трубками, датчиками, подъемными механизмами и тушами без костей и шкуры, расположенными на трех из шести столах.

Икас встревоженно посмотрел на меня, и я пояснила очевидное:

— Они выращивают мясо.

Шерстюсик не понял, я лично тоже не совсем понимала, хотя... догадывалась. Медленно подошла к столу — пол здесь тоже был земляной, но весь пропитанный кровью, и ходить неприятно, Икас вовсе остался стоять на входе. Подойдя к столу, взяла один из воткнутых в деревянную поверхность ножей, ржавых, с деревянной, напитанной кровью ручкой, противно даже трогать было, и отрезала маленький кусочек мяса.

И меня накрыло ощущение голода! Зверского, жуткого, невероятного голода! В голове не потемнело — покраснело все, а вонь вдруг стала приятным, дразнящим, чуть пряным и невероятно вкусным запахом! Не есть — жрать захотелось! Впитаться зубами в мясо, рвать нежную солоноватую мякоть, заглатывать куски не прожевывая, утолить голод, наполнить пустоту, насытиться!

Я пошатнулась. Оглянулась на стоящего у двери Икаса, вновь посмотрела на мясо. Нестерпимо хотелось есть. Ощущение такое, что здесь, в этом ломтике было все, что мне нужно, — микроэлементы, витамины, энергия, питательные вещества. Все!

Тихое «Грр» Снежной смерти вырвало из окутывающего состояния транса. Сюда кто-то шел. Икас метнулся за чаны с мясом, я, бросив мясо, но удерживая нож, тоже спряталась за ближайшим из чанов.

Вошло двое, они тут вообще, как я заметила, в основном по двое перемещались. Прошли к ближайшему столу, о чем-то тихо переговариваясь, взяли ножи... Как препарировать трупы, я знаю, как разделывать тушу животного тоже — обучали на курсах выживания, но чтобы вот так кроить мясо... Эйтны двигались молниеносно, шинкуя здоровенные куски на тонкие длинные полоски. Молча и неестественно. А после, воткнув ножи в стол, принялись с грацией гурманов поглощать эти кусочки, запрокидывая головы. И я поняла почему — они еще не мутировали! Лица оставались юными, человеческими, рты нормальными, губы припухлыми, обыкновенными. То есть они еще были людьми!

Бракованный навигатор! Я села, прижавшись спиной к холодному железу, откинула голову, больно ударившись, и едва не взвыла. Смотреть, как две юные эйтны себя гробят, не было никакого желания. Жалко до слез! Их жалко. Потому что отчетливо понимаешь, что на самом деле происходит. На Кахерде есть паразит. Попадая в тело жертвы, этот гад вылупляется из личинки и начинает медленно расти. Очень медленно, очень осторожно и так же осторожно внедряется в тело носителя. А потом человек сам не замечает, как рука тянется не к нормальной пище, а к сладкому — шоколад, булочки, крем, конфеты, пастила, тянучки. Сладкое. Его постоянно хочется все больше, вот только не человеку, а паразиту, которому глюкоза позарез для завершения цикла взросления необходима. И сейчас, видя, как эйтны жрут мясо, потому что поеданием этот процесс трудно назвать, я понимала — мясо нужно не им, а той гадости, что сейчас медленно, но верно захватывает их тела. Впрочем, достаточно вспомнить изуродованный рот бабушки, чтобы понять — это пасть хищника.

В помещении тем временем отчетливо слышалось чавканье. Конечно, тень жрет, тень получает все необходимое для того, чтобы и дальше уродовать тело жертвы, подстраивая под себя. Теням хорошо. А мне нет! И с одной стороны, я понимаю, что вмешаться сейчас — обнаружить свое присутствие перед противником, а значит, нужно сидеть и, наплевав на собственное чувство справедливости, терпеливо ждать, пока эйтны уйдут. И как будущий капитан я обязана думать головой и сидеть тихо, давясь собственным негодованием и чувством неправильности собственных действий.

— Ненавижу мясо, — вдруг тихо сказала одна из эйтн, — потом тошнить будет.

— Вкуссно, — хрипло ответила вторая и тут же нормальным голосом согласилась, — но тошнить будет.

А вообще, если вот так подумать — я же еще не капитан, да? А значит, вполне себе имею право на безголовые поступки. Пока имею.

И в жутком помещении прозвучало шепотом:

— Икас, усыпить.

И два тела грохнулись на пол. Мгновенно поднявшись, торопливо оттащила первую эйтну за контейнер, Икасик, прелесть моя сообразительная, повторил маневр и притащил вторую. Обeim вытерла рты, у обеих проверила зубы — человеческие, даже прикус нормальный, что радовало. Ну и так как я не капитан и команды у меня нет, тащить обеих самой придется. Вернулась к столу, взяла несколько кусочков мяса, давя в зародыше жуткий голод, замотала в ткань, положила в карман на поясе, нож прихватила так же, не то чтобы понадобится, но так спокойнее. Затем одну девушку перекинула через плечо, вторую, к моему счастью, на спину закинул Икас. Просто двоих я бы не вытащила.

— Теперь давай к выходу, — шепотом попросила я.

Мой умный зверь кивнул и помчался прочь из этого страшного помещения, но едва выбежал, повернул не туда, откуда мы пришли! Так как я бежала с утяжелением, догнать не смогла, и пришлось положиться на чутье Снежной смерти.

* * *

Бежали около часа. По совершенно незнакомым коридорам, после по непроницаемо черному гроту, где ориентиром направления для меня был звук дыхания Икаса. А в итоге уткнулись в скалу, и единственным просветом была щель на высоте метров сорока!

Молча посмотрела на шерстюсика. Мой звереныш кивнул мне и полез наверх, удерживая за шиворот свою эйтну. Я свою, тяжело дыша и обливаясь потом, уложила на камни, потому что вес в сорок килограммов тяну, проверено, но девчонка больше меня самой весила. Так что пока Икас, поражая меня своими очередными невероятными возможностями, карабкался наверх, я сидела и пыталась отдышаться.

Шерстюсик вернулся быстро и уже один. Глянул на меня, на эйтну, потянулся ко мне.

— Ее хватай, — приказала, поднимаясь, — я сама залезу.

Послушно схватив девушку, Икас полез обратно. Я же, достав нож, искромсала подол платья, запрокинула голову, прикинула маршрут и, не обращая внимания на подрагивающие от слабости руки, начала подниматься. Не то чтобы я верила, что смогу залезть, но выбора не было.

На середине пути вернулся Икас и страховал до самого разлома. А я уже ничего не замечала — в голове шумело, красный туман застилал глаза, в ушах билось сердце. Сорвавшийся из-под пальцев камешек едва не стал фатальным, но рывок, новый выступ, новое усилие — справлюсь. Уже справлюсь.

Едва вылезла на поверхность, невольно улыбнулась солнечному свету — на Иристане был закат. И сразу сейр щелкнул, подключаясь к связи. Я полезла смотреть, что там, — колонки цифр, параметров, столбики символов. И почти мгновенно уловила гудение двух летательных устройств.

То есть я еще тяжело дышала, привалившись спиной к теплым камням у излома скалы, а меня уже нашли! Не хило!

Из первого конусообразного аппарата, еще до того, как он приземлился, спрыгнул Эран. Тар-эн, напряженный как струна и вообще взбешенный до крайности, решительно направился ко мне и замер, едва приблизился на расстояние двух шагов.

Я не сразу поняла почему, а потом догадалась — в моем взгляде на него больше не было ни восхищения, ни восторга, а всплеск эмоций радости при виде воина я подавила, даже не задумываясь. И Икас, который отчетливо понял мои эмоции, зарычал, вздыбив шерсть на загривке. А я... я отвела взгляд и теперь смотрела не на воина, а на пожухлую желтоватую траву высокогорья. И где-то внутри отчетливо понимала, что выглядит это не слишком правильно и достойно, но не могла иначе.

Повелитель Иристана медленно сделал шаг, еще шаг, остановился, глядя на мои исцарапанные и пораненные ноги — да, подъем дался нелегко, перевел взгляд на ладони — тоже стертые в кровь. Нет, обычно я таких повреждений не допускаю, просто сейчас уже не до контроля было. А затем Эран взглянул мне в глаза. Этот взгляд я выдержала, вот только настороженность и враждебность никуда не делись, слишком отчетливо помнились еще те самые разукрашенные цветочками и надписями стены, слишком основательно накрывало ощущение глобальной подставы, и запах мяса словно витал в воздухе.

И я отвернулась. Протянула руку, погладила напряженного Икасику, вспомнила, что зверя нужно покормить, да и с девчонками что-то делать требуется, и вообще разобраться с теньями следует, а не стоять здесь и чувствовать, как болезненно сжимается сердце.

— Мне нужна лаборатория, — тихо сказала я, продолжая смотреть исключительно на шерстюсика, — и Икаса накормить.

Эран не произнес ни слова, молча попытался взять на руки... я отступила.

Не хочу, чтобы трогал, не хочу революции гормонов, не хочу. Не сейчас, не после тех чанов с выращиваемым мясом и изуродованных лиц эйтн. Не хочу.

— Помоги, пожалуйста, с девчонками, — тихо попросила я, наклоняясь и пытаюсь поднять ближайшую.

Эран не позволил, схватил и перекинул через плечо сам, Икас подхватил вторую, а я на подрагивающих от перенапряжения ногах пошла к летательному аппарату. Не оглядываясь.

[Купить полную версию книги](#)